
НОРА ТЕЙН
УМБРА
ПОКА ТЫ НЕ ИСЧЕЗЛА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Нора Тейн

Умбра. Пока ты не исчезла

«Автор»
2026

Тейн Н.

Умбра. Пока ты не исчезла / Н. Тейн — «Автор», 2026

Когда вся система против тебя, выживание становится единственным правилом.В Доминионе место Каэль Торн — среди списанных. Нулевая с клеймом в глазах, она совершает неудачный побег за Стену и вместо казни получает карминную форму Авангарда — цвет тех, чья жизнь ничего не стоит.Но куда опаснее смертельных вылазок оказывается пристальное внимание Кассиана Вейла — главы карательного подразделения «Умбра». Он привык держать всё под контролем и не оставлять без ответа ни одного вопроса. Между ними — власть и сопротивление, страх и недоверие. Кассиан Вейл — человек, которому Каэль меньше всего хотелось бы доверять. Но чем дольше она находится под его взглядом, тем сложнее понять, что скрывается за его интересом: расчёт, подозрение или нечто, чему оба пока не готовы дать название.Её появление здесь не случайность. И правда, которую предстоит узнать Каэль, может оказаться опаснее любого приказа.«Умбра. Пока ты не исчезла» — первая книга цикла «Умбра».

© Тейн Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 18
Глава 4 26
Глава 5 34
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Нора Тейн
Умбра. Пока ты не исчезла

Глава 1

Сирена подала три коротких сигнала — ровно в шесть утра, как делала каждый день. В Доминионе не было принято будить людей тревогой. Сигнал лишь извещал: ночь закончилась, распорядок вступил в силу, новый день уже распределён между теми, кому предстояло его прожить. Низкий гул прокатился над светло-серыми кварталами, коснулся гладких фасадов и растворился под прозрачным Куполом.

Я проснулась раньше. Последние два года тело упрямо опережало сирену, словно решило взять на себя хотя бы одну обязанность, которую никто не мог регламентировать. Несколько минут я лежала неподвижно, разглядывая потолок. Белые, ровные панели, без трещин и теней. Иногда мне хотелось провести по нему пальцами — убедиться, что он настоящий, что за ним не прячется ещё одна идеально гладкая поверхность, а потом следующая, и так до бесконечности.

Вдох на четыре счёта. Задержка. Медленный выдох. Отец учил меня этому перед стрельбой. «Пульс выше сотни — и всё. Ты уже не целишься, а просто дёргаешь спуск». Тогда я считала, чтобы не дрожали руки. Теперь — чтобы не дрожало всё остальное.

Тридцать дней. Я произнесла число про себя, и оно тут же обрело вес. Не месяц, не неопределённое «скоро», которым взрослые прикрывали неприятные новости, а тридцать отдельных рассветов. Тридцать подъёмов. Тридцать завтраков. Тридцать раз надеть форму, застегнуть ворот, пройти по одному и тому же коридору и сделать вид, будто впереди меня ждёт обычная жизнь. На тридцатый день Система поместит моё тело в Капсулу Отбора.

Мать запрещала читать бюллетени. «Знание расписания ничего не изменит, только добавит страха», — повторяла она. Дату я всё равно знала. Не знала другого: что именно происходит за дверями центра, когда человек перестаёт быть человеком и становится результатом оценки. Официальные сводки называли это распределением. В разговорах слово звучало иначе.

Панели на окнах разъехались бесшумно. В комнату проник утренний свет — холодный, ровный, лишённый той случайной теплоты, которую я представляла, когда думала о настоящем солнце. Купол пропускал безопасное излучение, очищал его от всего опасного и возвращал городу в строго рассчитанной дозе. Даже рассвет здесь проходил проверку.

Настоящее небо я видела только в учебниках. На старых изображениях закаты горели алым, синева уходила в глубину, облака собирались в причудливые, непредсказуемые формы. Порой фотографии казались подделкой. Может, прежде люди тоже жили под стеклом, просто называли его небом? Наше всегда оставалось одинаково бледным, будто яркие цвета были признаны избыточными и исключены из общего пользования.

Отец однажды сказал, что небо не становится настоящим только потому, что его много. Подлинность определяется не масштабом, а невозможностью подчиниться. Тогда я не поняла, о чём он. Теперь смысл этих слов проступал всё отчётливее — и от этого не становилось легче.

Ещё один день до Отбора. Я повторила про себя: тридцать дней. Цифры должны были стать привычным счётом — чем-то таким же обыденным, как подъём по сирене или завтрак по расписанию. Но стоило представить, что за каждым из этих дней уже стоит Капсула, и счёт снова превращался в ожидание.

Сбросив одеяло, я поставила босые ступни на пол. Холод плитки отрезвил лучше любой воды. Форма уже была на мне: ворот застёгнут, пояс затянут, волосы собраны. Оставалось только выйти из комнаты и встретить день с лицом, которое не выдаст, что я думаю о нём.

— Каэль. Шесть часов. Ты собралась или опять тянешь время?

Мать стояла в дверном проёме. Она всегда появлялась так — точно на границе между комнатой и остальной квартирой, словно даже дома не позволяла себе окончательно расслабиться. Высокая, всё ещё красивая, с туго стянутыми волосами и безупречно выглаженной формой. Усталость проступала лишь в мелочах: в напряжении вокруг глаз, в тонкой складке между бровями, в том, как она задерживала дыхание перед тем, как заговорить.

На отвороте рукава тускло блеснул металлический зажим. Мать поправила его, хотя тот лежал ровно.

— На десять минут позже обычного.

— Я уже...

— Никаких «уже». Затяни волосы. У виска выбились пряди. Лицо опять бледное.

Я поправила тугой хвост, убрала выбившиеся у виска волоски и затянула резинку. Мать проследила за моими движениями так, будто это была не мелочь, а первая ошибка в длинной цепочке будущих неприятностей.

— Ты должна выглядеть здоровой. Пригодной. Не призраком.

— Я не призрак.

— Тогда и не выгляди им.

Она окинула меня внимательным взглядом. Не материнским — проверяющим. Так смотрели сотрудники безопасности, когда сканировали документы и решали, достаточно ли человек чист, спокоен и безопасен, чтобы пройти дальше.

— Остался месяц, Каэль. Капсула считывает всё. Пульс, реакции, эмоциональные отклонения. Зафиксирует слабость — выдаст красную метку. Ты знаешь, что это значит.

Знала. В Доминионе слово «слабость» имело слишком много значений. Иногда оно означало болезнь. Иногда — непослушание. Иногда — всего лишь неверно выбранное выражение лица в присутствии человека, которому полагалось улыбнуться.

Красная метка означала, что проверка обнаружила отклонение. Сама по себе она ещё не определяла судьбу кандидата: решение зависело от характера нарушения и заключения диагностов. Но для меня опасность Отбора заключалась не только в метке. Система должна была решить, где моё тело нужнее. Живым или мёртвым — вопрос, который в официальных документах предпочитали даже не формулировать.

— С самоконтролем у тебя беда, — продолжила мать. — Ты не умеешь прятать эмоции. Не умеешь молчать. Не умеешь не замечать того, что тебя не касается. Тебе нужно научиться опускать глаза. Не слушать лишнего. Не задавать вопросов. Не вмешиваться. Твоя задача — дожить до Отбора и не высовываться.

Я промолчала. Спорить с матерью по утрам было бессмысленно: она не пыталась убедить меня, а перечисляла правила, нарушение которых считала смертельно опасным. И всё же каждый раз произносила их так, словно от одного повторения я могла стать послушнее.

— Лекс тоже не умел опускать глаза, — сказала она. — Не умел жить по правилам. И посмотри, чем всё закончилось. Система не простит его. И не забудет, что он у неё забрал.

При звуке имени я перевела взгляд на стык пластиковых панелей. Узкая тёмная линия делила стену на две безупречные части. Я знала её наизусть — как трещину на старой чашке, которой больше нет.

— А ты такая же, Каэль. Тебе обязательно нужно смотреть. Обязательно нужно вмешаться. Если за этот месяц не научишься держать язык за зубами, тебя тоже не станет.

Мать отвела глаза. На мгновение её лицо потеряло привычную неподвижность, и я увидела под ней что-то живое — страх, настолько старый, что он уже стал частью её осанки.

— Я не могу потерять и тебя. Ты это понимаешь?

— Конечно понимаю.

Ответ прозвучал слишком быстро. Я услышала собственную фальшь и поняла, что мать услышала её тоже: это было не согласие, а попытка закрыть разговор, не позволив ему добраться до того, о чём мы обе боялись говорить.

— Твой отец воспитал в тебе всё это, — произнесла она после паузы. — Правдолюбие, упрямство, эту невозможную потребность идти туда, куда не просят. Он считал, что это сила. Думал, что делает тебя лучше.

Губы матери сжались.

— А он только научил тебя гордиться тем, что следовало скрывать.

Впервые за весь разговор я посмотрела на неё не как на мать, которая поправляла мой ворот и следила за временем, а как на женщину, годами повторявшую одну и ту же мысль. Возможно, она так часто объясняла себе собственные решения, что уже не замечала, насколько жестоко они звучат.

— Ты Нулевая. Факт. Дефект с рождения. А он — он взял и сделал из этого характер. Упрямая, непокорная, вечно лезет туда, куда не просят. Он думал — это сила. Он ошибся.

На последних словах голос матери дрогнул, но она тут же вернула ему прежнюю твёрдость.

— Система увидит в тебе угрозу. Дефект — это ещё ладно. Дефект контролируется. А угрозу... — она не договорила, но я поняла. — «Её стирают».

— Ты винишь отца?

Она наконец посмотрела мне прямо в глаза.

— Я виню его. За то, что не научил молчать. За то, что научил смотреть. За то, что сделал тебя заметной.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга. Между нами оставалось всего несколько шагов, но расстояние казалось таким, будто нас разделяла вся толщина Купола.

— Дефект, который не высовывается, живёт, — сказала мать тише. — Тот, что лезет в глаза, исчезает. Для твоего отца правда всегда была важнее жизни. Лекс уже заплатил. Теперь ты хочешь заплатить за него?

Пальцы сами собой сжались в кулак. Ногти впились в ладонь, оставив четыре полумесяца.

— Отец не заставлял нас платить. Он учил нас быть собой. Это Система хочет, чтобы мы стали никем. И это не его вина.

Мать отвела взгляд первой. Не потому, что согласилась. Просто дальше говорить было не о чем: наши споры всегда упирались в одну и ту же границу — в то, что она не могла позволить себе услышать, а я не умела перестать говорить.

— Садись завтракать. Тебе нужно хорошо поесть.

Я шагнула мимо неё, стараясь не задеть плечом. Мать не посторонилась, и на мгновение нам пришлось замереть в узком проёме. Когда я поравнялась с ней, её рука дрогнула. Пальцы приподнялись, будто она собиралась коснуться моего плеча, но остановились в нескольких сантиметрах от ткани.

Прикосновения в нашей семье всегда давались труднее слов. Мать так и не дотронулась до меня. Я прошла дальше, не оборачиваясь. Почему-то именно этот жест — почти объятие, которое она не решилась закончить, — оказался больнее любого удара.

За спиной послышался короткий вдох. Я знала этот звук лучше, чем её слова. Так мать делала, когда собиралась сказать что-то важное, а потом решала, что важное — это слабость, которую нельзя показывать.

На кухне всё было как всегда: серая каша, ломтик хлеба, стакан сока. Мы сели напротив друг друга не ради близости, а потому, что так было заведено. Между тарелками оставалось ровно столько места, сколько требовалось для двух локтей и одного молчания.

Ложка тупо скребла по дну тарелки. Каша успела остыть и слиплась в тяжёлую массу. Я продолжала есть, хотя вкус давно исчез. В Доминионе еда была питательной, безопасной и одинаковой. От неё не требовалось нравиться.

— Каэль. Когда ты врёшь, у тебя дёргается левый уголок рта. Ты знала?

Ложка застыла на полпути ко рту.

— Что?

— Вот сейчас. Видишь? Он выдаёт тебя всякий раз, когда ты пытаешься сделать вид, что всё нормально. Когда говоришь, что не боишься или отвечаешь «да», хотя думаешь совсем другое.

Мать отложила приборы. Теперь она смотрела не на мою осанку и не на форму, а прямо на меня — внимательно, почти изучающе. От этого внезапного внимания стало неуютнее, чем от её утренних замечаний.

— Ты отвратительно лжёшь, Каэль. И это тебя погубит.

Я опустила ложку. Она была права. В памяти прозвучал отцовский смех: «Зато честная». Тогда это казалось шуткой, одной из тех, которыми он смягчал мои неудачи. Теперь фраза обернулась приговором, который он, сам того не зная, оставил мне в наследство.

— Я научу тебя врать.

Я всмотрелась в её лицо. Двадцать лет она позволяла мне расти такой, какой меня воспитал отец: смотреть прямо, задавать вопросы, не отводить глаз. Теперь собиралась за несколько недель научить притворяться человеком, которому нечего скрывать. В этой попытке было столько отчаяния, что злиться на неё становилось труднее. Понять — не легче.

— Каждое утро до Отбора, — сказала мать. — Будем заниматься. Пока ни один мускул не дрогнет. Пока ты не научишься смотреть прямо и не моргать. Врать так, чтобы никто не догадался.

Она постучала пальцем по столу. Сухо, ровно: раз, другой, третий. Будто отмеряла время, которого у нас почти не осталось.

— Капсула будет оценивать не только то, что ты говоришь. Она увидит реакцию тела. Тебе придётся научиться опережать собственный страх.

— А если не получится?

— Получится.

— Откуда такая уверенность?

Мать провела большим пальцем по краю стакана. Стекло едва слышно звякнуло.

— Потому что другого варианта нет. Я не могу позволить, чтобы ты провалилась там.

Она подняла глаза, и на этот раз не стала прятать то, что в них было.

— Какой бы ты ни была, ты всё равно моя дочь.

Я не ответила. Не знала, что сказать женщине, которая только что назвала меня дефектом, а теперь просила поверить в её любовь. Возможно, для неё эти слова не противоречили друг другу. Возможно, именно поэтому я не могла ни принять их, ни оттолкнуть.

— Доедай, — произнесла мать и снова стала прежней. — Иначе опоздаешь.

Мать поднялась, поправила воротник и вышла из кухни. В прихожей задержалась перед зеркалом. Сквозь дверной проём я видела её отражение: прямая спина, собранные волосы, безупречный ворот. На короткое мгновение плечи опустились под невидимой тяжестью. Потом она выпрямилась, проверила застёжку и вышла. Замок щёлкнул.

В зеркале на секунду осталась не мать, а её безупречная форма — воротник, волосы, прямая спина. Всё, что требовалось Системе, сохранялось даже тогда, когда человек внутри уже не справлялся.

Я повернулась к окну. В затемнённом стекле проступило отражение: бледное лицо, тёмные волосы, тени под глазами. Провела пальцами под нижним веком и задержала взгляд на радужке. Серо-зелёная, цвета выцветшей хвои. В обычном свете прожилки почти незаметны

— нужно подойти близко к зеркалу, чтобы разглядеть их. Но стоило прямому лучу коснуться глаза, как из глубины проступали лиловые нити. Тонкие линии расходились от зрачка к краю радужки, напоминая трещины на старом стекле.

Красивые. Если забыть, что они означают.

Иридиевые глаза. Безошибочное клеймо Нулевой.

За окном просыпался квартал. Серые жилые блоки стояли ровными рядами, одинаковые окна отражали одинаковый свет. У распределительного ларька уже собрались люди. Каждый по очереди прикладывал запястье к сканеру, ожидая короткого сигнала допуска. Женщина в бежевой форме санитарного сектора нетерпеливо переминалась с ноги на ногу: терминал не принимал её чип. Она повторила попытку, затем ещё раз. Наконец устройство одобрительно пискнуло, и женщина поспешила внутрь, даже не взглянув на тех, кто стоял за ней.

Двое детей в зелёных куртках пробежали под окном. Их смех прозвучал неожиданно громко — слишком живо для этого приглушённого утра. Где-то вдали гудел патрульный дрон, удерживая ровную высоту. Дети не обратили на него внимания. Один остановился, обернулся и что-то крикнул второму. Тот дёрнул его за рукав, и они снова сорвались с места.

Я не расслышала слов. Наверное, ничего важного. Именно поэтому мне захотелось их запомнить. Не лица — движение. Лёгкость, с которой можно было побежать куда угодно, не сверяясь с разрешённым маршрутом и не проверяя, заметил ли кто-нибудь отклонение.

Я знала, что мать права: Капсула прочитает меня за секунды. Но признать её правоту не значило принять правила, по которым мне предстояло жить. Я собиралась научиться лгать не ради того, чтобы стать удобной. Ради того, чтобы остаться в живых.

Я заставила себя доесть кашу. Вытерла рот тыльной стороной ладони, ополоснула тарелку и поставила её в сушилку — ровно на своё место. Так учил отец: «Порядок в мелочах — это то, что остаётся, когда у тебя забрали всё остальное».

Я держалась за отцовские привычки, даже за те, которым он не успел меня научить. Они оставались моими — маленьким, почти тайным убежищем. Здесь я всё ещё могла сама решить, куда поставить тарелку, как сложить полотенце, сколько секунд смотреть в окно. Хотелось верить, что хотя бы в таких мелочах Система до меня не добралась.

Рука задержалась на краю сушилки. Я убрала её, прежде чем простая привычка успела превратиться в ещё один ритуал. В Доминионе даже безобидные повторения могли привлечь внимание, если становились слишком заметными.

Завтра мать начнёт учить меня лгать. Я буду учиться — не потому, что согласна с ней, а потому, что хочу жить. Только бы однажды, проснувшись, я ещё могла отличить притворство от себя настоящей.

Глава 2

Подготовительный центр располагался в четвёртом жилом блоке — двадцать минут пешком, если идти прямо и не отклоняться от маршрута. Мать повторила это указание дважды, прежде чем я вышла из дома. Будто за последние годы я могла забыть, как выглядит прямая дорога.

Я шла вдоль серых стен под небом, которое Купол делал одинаково тусклым в любую погоду. Люди в сером двигались навстречу, расходились, уступали дорогу, не задерживая взглядов друг на друге. Доминион любил этот цвет: в нём удобно было прятать всё, что не хотелось показывать, — усталость, злость, страх. Даже чужую жизнь.

Под слоем казённой краски на одной из стен проступали буквы: «ОНИ ПОМ...». Надпись пытались закрасить небрежно — или торопились, или не считали нужным добиваться идеального результата. Краска легла неровно, и несколько букв всё ещё проступали сквозь неё, словно стена сама не желала забывать написанное.

Материнское правило требовало не замечать подобного. Я отвела взгляд. По крайней мере, со стороны это выглядело именно так. В Доминионе существовал особый навык: смотреть прямо на запрещённую вещь и настолько убедительно изображать пустоту, что однажды можно было усомниться, видел ли её вообще.

Я не сомневалась. Запомнила три буквы, цвет краски, высоту над тротуаром, тонкую трещину над «П». Вчера прошла бы мимо. Сегодня остановилась бы, если бы позволила себе. Поэтому оставалось единственное: унести надпись с собой в памяти. Иногда помнить означало не соглашаться.

У входа в центр собрались человек семьдесят. Очередь тянулась вдоль ограждения, медленно подползая к терминалу. Люди по одному прикладывали запястья к сканеру; устройство отвечало коротким пластиковым писком и пропускало следующего. Ровные интервалы между сигналами складывались в механический ритм, от которого начинало сводить зубы.

Я встала в конец очереди, вытянула руки вдоль тела и выпрямила спину. Смотреть следовало перед собой. Не по сторонам, не на камеры, не на лица. Просто ждать своей очереди.

— Каэль!

Эмили пробиралась ко мне, расталкивая людей локтями и на ходу извиняясь так быстро, что извинения больше походили на ещё один пункт расписания. Золотисто-пшеничные волосы были стянуты в тугой хвост, форма выглажена до острых складок, подбородок привычно вздёрнут. Казалось, её с детства гладили в правильном направлении — и ни одна складка не смела отклониться от курса.

— Ты чего не отвечаешь? Я тебе три раза писала. Три раза, Каэль! Ты вообще понимаешь, что сегодня первый день полного цикла? Не просто явка, а медосмотр, психотест, стресс-моделирование. Я читала справочный бюллетень: там всё расписано по часам, почти по минутам, и если мы не подготовимся, то...

Она осеклась, шумно втянула воздух сквозь зубы и посмотрела на меня так, будто я могла немедленно предоставить ей недостающую часть инструкции.

— Спала.

— Ты спала? — Эмили моргнула. — Каэль, тридцать дней! Через тридцать дней нас поместят в Капсулы и решат, кто мы. А ты спишь? Ты вообще знаешь, что стресс-моделирование включает двенадцать сценариев? Потеря, страх, агрессия, подчинение... И если мы не будем знать, чего ждать, то...

— Эм, ты перечислила четыре из двенадцати. Осталось восемь. Хочешь продолжить или всё-таки дашь мне сказать доброе утро?

— Доброе утро! — выпалила она. — А теперь слушай. Если мы не узнаем, что будет на моделировании, то не сможем подготовиться. Если не подготовимся, пульс может выйти за допустимые пределы. А это повлияет на результат проверки.

— Эм. Ты дышишь?

Эмили замолчала на полуслове. Набрала воздух, задержала его, затем медленно выдохнула, стараясь не смотреть на людей вокруг.

— Дышу. Просто говорю. Потому что если перестану говорить, начну думать о том, что будет, если нас не распределят. А если начну думать, пульс поднимется ещё до медосмотра.

— Эмили, хватит. Мы стоим в очереди. До Отбора тридцать дней. Хочешь привлечь внимание раньше времени — продолжай. Если нет, постарайся хотя бы немного успокоиться.

Она сжала губы. На секунду показалось, что сейчас последует очередная лекция, но Эмили только опустила взгляд.

— Прости. Я нервничаю.

— Знаю. Я тоже.

Признание сорвалось прежде, чем я успела выставить привычный внутренний заслон. Эмили повернулась ко мне. Удивление на её лице было почти незаметным: не потому, что я могла бояться, а потому, что впервые не стала делать вид, будто мне всё равно.

Я отвернулась к терминалу. Эмили ничего не сказала. Для неё это, пожалуй, было почти таким же признанием, как для меня — собственные слова.

За спиной послышались быстрые, чуть шаркающие шаги. Сэм втиснулся в очередь без приглашения, будто место рядом с нами принадлежало ему по праву рождения. Растрёпанная макушка, тёмные волосы, закатанные до локтей рукава. От него пахло остывшим кофе и чем-то мятным.

— О, мои любимые кандидаты на утилизацию. Привет. Стоим?

— Стоим, — ответила Эмили.

— Долго?

— Минут двадцать.

— Двадцать минут! За это время я успел бы трижды зевнуть и десять раз пожалеть, что вылез из постели.

— Ты всегда об этом жалеешь, — заметила Эмили.

— Да. Но сегодня — особенно.

Сэм повернулся ко мне и быстро оглядел с головы до ног. Его взгляд задержался на лице, на воротнике, на слишком туго затянутом поясе.

— Как мать, Кэй?

— Нормально.

Лицо пришлось превратить в неподвижную маску. Сэм знал меня слишком давно, чтобы принять её за ответ.

— Нормально — это как? Она опять тебя строит?

— Сэм, не начинай.

— Я только спрашиваю. Выглядишь как человек, которого всю ночь дрессировали. Или как человек, который не спал. Хотя зачем выбирать, если можно совместить?

— Очень наблюдательный сегодня.

— Всегда такой. Просто обычно ты не разрешаешь озвучивать наблюдения.

Я пожала плечами и снова посмотрела на очередь. Ладони скользнули в карманы куртки, нащупали грубую ткань формы.

— Всё как всегда. Мать есть мать.

Сэм не стал допытываться. Просто встал рядом, плечом к плечу. Иногда этого хватало: рядом с ним можно было хотя бы ненадолго перестать думать о доме.

— Ладно. Если всё как всегда, значит, жить можно.

Эмили убрала выбившуюся прядь волос за ухо и перевела на нас укоризненный взгляд:

— Можете хотя бы пять минут говорить нормально? Без этих ваших загадок и «всё как всегда»?

— Можем, — согласился Сэм. — Но предупреждаю: от скуки начну комментировать очередь. Вслух. Громко. Вон тот тип в серой шапке явно решает, кому завещать свои долги. А дама в хвосте так отчаянно шевелит губами, будто репетирует речь для Отбора. Упаси нас Купол, если она решит зачитать её с табуретки.

— Достаточно. Остановись.

— Тогда терпи.

Над очередью гудел патрульный дрон. Уже несколько минут он кружил по одной и той же траектории, не меняя высоты. Сэм поднял голову и посмотрел прямо в объектив.

— Если эта штука снимает нас для пропагандистских роликов, требую гонорар. Ракурс идеальный. Спина прямая, взгляд — в светлое будущее. Готовый плакат: «Гражданин Роуэн. Кандидат на Отбор. Послушный. Довольный. Вопросов не задаёт».

— Но ты их задаёшь, — заметила Эмили.

— На плакате об этом не напишут. Там напишут, что я счастлив. Это разные вещи, Эм. Называется маркетинг.

Я невольно усмехнулась. Сэм умел на несколько секунд отодвинуть страх, даже не притворяясь, будто его не существует.

Когда дрон завис прямо над нами, улыбка Сэма осталась на месте, но голос стал тише.

— Ладно, шутки в сторону. Эти птички обновлённые. Не просто снимают — пишут звук и сразу передают. Памяти нет, только поток. Срабатывает триггер — запись уходит. Так что улыбаемся и молчим.

— Откуда ты знаешь?

Сэм махнул рукой, будто вопрос был незначительным.

— Зрение хорошее. Замечаю то, что пропускают другие. На брюшке два микрофона, на хвосте антенна-передатчик. Локального хранилища нет. Всё передаётся в реальном времени.

— Тогда давайте стоять ровно и молчать, — сказала Эмили. На этот раз без привычной назидательности.

— Поддерживаю. Молчание — форма маскировки. Моя любимая. Особенно с утра.

Я не стала спрашивать дальше. Сэм говорил слишком уверенно для человека, который просто случайно разглядел устройство дрона. Через мгновение он снова улыбался, будто не произнёс ничего особенного. Допытываться было бесполезно: либо он выдал бы безупречную ложь, либо закрылся бы окончательно.

Я запомнила каждое слово. Отец когда-то сказал: если человек внезапно начинает знать слишком много о том, чего остальные не замечают, запоминай не только его речь. Смотри, что он делает руками, куда направляет взгляд, кто стоит рядом. Тогда совет казался одной из отцовских странностей. Теперь он становился инструкцией по выживанию.

Эмили шагнула к терминалу первой. Сканер коротко пискнул и мигнул жёлтым: «Эмили Форс. Кандидат на Отбор. Доступ подтверждён».

— Жёлтый, — протянул Сэм, засунув руки в карманы. — Базовая комплектация. Двадцать лет быть идеальной, Эм, а сканер всё равно выдаёт дефолтный цвет. Ни золотой звезды за отличную учёбу, ни маленькой медали за примерное поведение.

— Это всего лишь статус кандидата, — отрезала Эмили. — Система унифицирует данные перед Капсулой.

— О, конечно. Унифицирует. Забавно, как быстро двадцать лет стараний превратились в один жёлтый пиксель. Для машины ты сейчас всего лишь биомасса, ожидающая сортировки.

— Я не биомасса. И мне не нужна золотая звезда от куска пластика.

Эмили поправила хвост. Движение вышло слишком резким, чтобы поверить, будто слова Сэма её не задели.

— Ну давай, Эм. Признайся: тебе ведь хочется, чтобы Система тебя выделила. Не просто «кандидат», а «кандидат с отличием». Чтобы двадцать лет безупречного поведения наконец оценили по достоинству. А она выдала тебе тот же жёлтый сигнал, что и всем остальным.

Эмили вздохнула, уставившись на погасшую панель индикатора.

— Мне не нужно, чтобы меня выделяли, Сэм. Мне нужно, чтобы Система работала справедливо.

— Ага. Эми, детка, заканчивай с инструкциями. А то звучишь как терминал.

— Ты специально меня бесишь?

— Нет. Побочный эффект. Как дыхание. Или дрон над головой. Не могу остановиться, Эм. Выше сил.

— Однажды тебя заберут в поведенческий отдел, Роуэн. И я не приду навещать.

— Придёшь. Принесёшь бюллетень и сухарик. Потому что добрая. И потому что без меня тебя никто не будет бесить. А это, Эм, гораздо страшнее любого поведенческого отдела.

— Придурок.

— Знаю. Тоже своего рода форма величия.

Удержать улыбку не удалось. На несколько секунд напряжение отступило, и утро снова стало похоже на обычное.

— Вы оба, — вмешалась я. — Мы стоим в очереди, над нами дрон, а вы выясняете, кто кого бесит. Может, отложите это до конца дня?

— Кэй, ты не понимаешь. — Сэм прижал ладонь к груди. — Это не спор. Это ритуал. Как утренняя молитва. Без него день не начнётся, терминал не пикнет, Купол не встанет, вселенная схлопнется.

— Вселенная переживёт, если ты перестанешь её бесить.

— Я бы не был так уверен.

Эмили толкнула его плечом. Сэм картинно ойкнул и улыбнулся. Очередь двинулась, а терминал продолжал отбивать свой ритм: жёлтый, жёлтый, жёлтый.

Освободив место для следующего, Эмили отошла. Сэм поправил закатанные рукава. Охранник скользнул взглядом по его татуировкам, ткани формы и привычной ухмылке.

— Когда-нибудь доиграешься, Роуэн.

— Постараюсь не разочаровать.

Сэм приложил запястье к сканеру. Панель мигнула жёлтым: «Сэмиэль Роуэн. Кандидат на Отбор. Доступ подтверждён».

— Жёлтый. Мой любимый. Цвет благородной посредственности.

— Хотя бы не белый, — тихо сказала Эмили.

Слова вырвались прежде, чем Эмили успела их остановить. Она покосилась на меня. Между нами повисла неловкая тишина. Сэм больше не улыбался — всего один удар сердца, но я заметила.

Охранник посмотрел на меня. Холодный пластик коснулся запястья.

Секунда. Вторая. Сканер не подавал сигнала. Охранник отступил на полшага, палец завис над тревожной кнопкой. Его взгляд метнулся к экрану. Затем устройство издало резкий, неестественный писк, и панель вспыхнула белым: «Каэль Торн. Статус: Нулевой. Кандидат на Отбор. Доступ подтверждён».

Белый. Цвет пустого места. Клеймо тех, кто не поместился в привычные категории. Биомасса без подходящей графы. Система ещё не решила, что со мной делать.

Смешно. Даже здесь мне достался цвет, идеально подходивший к настроению.

Сэм снова улыбался, но прежняя лёгкость исчезла. Эмили ничего не сказала; пальцы, сжавшие планшет обеими руками, выдали её лучше любых слов. Охранник задержал на мне взгляд, словно пытался сопоставить увиденное с чем-то знакомым, и наконец отвернулся.

Я прошла внутрь. Распределительный центр встретил едким запахом хлора и приглушённым гулом вентиляции. Белые коридоры, белые халаты, пластиковые панели — всё здесь выглядело одинаково чистым и одинаково безразличным. Свет не оставлял теней. Казалось, даже пыль не имела права задерживаться на поверхностях.

В зале ожидания стояли металлические стулья и висела большая телевизионная панель. Люди сидели порознь, хотя свободных мест хватало, чтобы устроиться рядом. Никто не разговаривал громче необходимого. Тишина здесь была не спокойной, а выученной.

Мы сели втроём. Я оказалась посередине: Сэм справа, Эмили слева. Их плечи почти касались моих, и это простое соседство почему-то помогало удерживать равновесие.

— Полный цикл, — прошептала Эмили. Глаза у неё были слишком широко раскрыты, лицо побледнело. — На табло фазы: регистрация, медосмотр, психотест, моделирование. Каэль, мы только в самом начале.

— Эм, мы ещё даже не зарегистрировались.

— Знаю. Я просто говорю, чтобы понимать, что дальше. Чтобы не...

— Паниковать?

— Да. Говорить — мой способ не паниковать. А какой твой?

— Считать. Вдох на четыре, задержка, выдох.

— Это не способ не паниковать. Это способ дышать.

Её шёпот стал совсем тихим. Я услышала, как она сглотнула.

— Дышать — тоже способ не паниковать. Если не дышишь, ты мёртв. Логично и практично.

Сэм громко, с преувеличенным надрывом вздохнул. Женщина в белом халате обернулась.

— Что? Дышу, — невозмутимо произнёс он, даже не повернув головы.

— Ты вздыхаешь, — прошептала я.

— Тоже дыхание. Только с эмоциональной нагрузкой.

Пришлось пнуть его под стулом. Сэм ойкнул, потёр голень и повернулся ко мне с оскорблённым видом.

— Ты привлекаешь внимание.

— Я не привлекаю. Я существую. Это, между прочим, разные вещи.

Чёрная телевизионная панель мигнула. Зал почти одновременно выпрямился. На экране появилось лицо Канцлера Доминиона: графитовый костюм без единой складки, седые волосы, зачёсанные назад, карие глаза и выражение человека, которому давно не требовалось убеждать собеседников. Голос из динамиков звучал ровно, с цифровой чистотой, не допускавшей случайной интонации.

— Приветствую вас, граждане Доминиона. Сегодня вы стоите на пороге Отбора. Помните: это не испытание, а ваша персональная калибровка. Система видит потенциал каждого, знает ваши сильные стороны и безошибочно определит, в каком секторе вы принесёте наибольшую пользу обществу. Отбросьте тревогу. Доверьтесь алгоритмам. Система не совершает ошибок.

Взгляд прилип к экрану. Раздражал не столько голос, сколько безупречная уверенность, с которой мужчина произносил заученные слова. Его губы двигались в идеальном соответствии со звуком. Даже улыбка, едва заметная и хирургически точная, казалась частью государственного интерфейса.

— Забота Системы — это ваша безопасность и стабильность нашего общего Купола. Каждый благонадёжный гражданин, готовый трудиться на благо Доминиона, гарантированно

обретёт своё законное место. И лишь те, кто сознательно выбирает деструктивное поведение, будут отмечены сигнальной меткой — ради безопасности большинства. Будьте спокойны. На вашем доверии строится наше общее будущее.

Эмили сидела прямо, подбородок был чуть приподнят. Губы едва заметно шевелились: она повторяла за Канцлером, почти не осознавая этого. Сэм развалился на стуле, вытянув ноги и заложив руки за голову, однако взгляд не отпускал экран. А я сидела между ними и слышала только одну фразу.

Система не совершает ошибок.

Система забрала отца. Система стёрла Лекса. Система собиралась решить, где моё тело нужнее. Система не совершает ошибок.

Удержать усмешку оказалось трудно. Разумеется, ошибок не существовало. Если решение принимала Система, любой просчёт автоматически становился правильным. Удобная конструкция — почти гениальная: стоило убедить человека, что ошибка невозможна, и ему оставалось лишь объяснять себе, почему всё происходящее на самом деле справедливо. Отец называл это идеальной тюрьмой, в которой заключённые сами охраняют друг друга.

Экран погас. Зал медленно ожил: кто-то пошевелился, кто-то поправил одежду, кто-то тихо заговорил с соседом. Эмили повернулась ко мне.

— Ты слышала? Он сказал: «Система не совершает ошибок». Значит, всё, что будет дальше, правильно. Всё, что она решит, верно, даже если нам не понравится. Даже если будет страшно. Это закон.

— Ты пытаешься убедить меня или себя?

Сэм тихо хмыкнул.

— Эм, если тебе станет легче, я тоже боюсь. Просто боюсь с юмором. А ты — с бюллетенем. Разные стили, но оба рабочие.

Эмили фыркнула и демонстративно стряхнула с рукава несуществующие пылинки.

— Спасибо. Очень помог.

— Обращайся. Я здесь для моральной поддержки и саркастических комментариев. В равных пропорциях.

Я посмотрела на них, пытаясь отодвинуть мысли о будущем. Три разных способа не сойти с ума: инструкции Эмили, шутки Сэма и мой счёт вдохов. Пока этого разнородного щита хватало. Тогда я ещё не знала, что у каждого способа есть предел. Эмили терялась, когда переставали работать правила. Сэм — когда шутка уже не могла спрятать правду. А я — когда сбивался счёт.

Очередь повела нас дальше, вглубь медицинского блока. Запах хлора становился всё резче, оседал на языке. Медосмотр начался без лишних слов: кровь, пульс, зрачки, реакция на свет, звук и внезапный шум.

Я сидела на холодном металлическом стуле, пока лаборант направлял мне в глаза узкий диодный луч. Свет задержался на радужке. Секунда. Вторая. Третья.

Медик заметил лиловые прожилки. Его взгляд задержался на них, и на короткий миг лицо стало внимательнее. Так смотрят на деталь, не соответствующую чертежу, прежде чем решить, стоит ли тратить время на проверку. Затем мужчина опустил планшет и перешёл к следующему показателю.

Пульс — сто двадцать.

Я смотрела прямо перед собой и считала. Сто десять. Сто пять. Ещё один вдох. Ещё один выдох. Медик кивнул и вызвал следующего.

Никто не спросил о прожилках. В Доминионе молчание часто было самым надёжным способом пережить неприятную ситуацию. Особенно если неприятность касалась не тебя.

В следующем кабинете шуршала бумага. Психотест: анкеты, проективные картинки, вопросы, в которых правильный ответ был очевиден лишь потому, что неправильный мог сто-

ить слишком дорого. «Как вы поступите, если увидите нарушение протокола?» «Что сделаете, если ваш друг нарушит закон?» «Готовы ли сообщить о нарушении, даже если это навредит близкому человеку?»

Ответы ложились на экран ровно и монотонно: «Сообщу о нарушении в установленном порядке». «Буду следовать протоколу». «Подчинюсь решению Системы». Слова казались чужими, но пальцы нажимали нужные кнопки без колебаний.

На последнем вопросе я вспомнила утренний разговор с матерью. Она была бы довольна. Каждое правильное слово оставляло после себя странную пустоту, будто изнутри вынимали что-то маленькое, но необходимое.

На экране возникла последняя формулировка: «Если вы узнаете, что человек, которого любите, представляет потенциальную угрозу обществу, сообщите ли вы об этом?»

Две кнопки. «Да». «Нет».

Я смотрела на них дольше, чем следовало. Потом нажала «да».

Психолог подняла глаза. Её взгляд задержался на мне, затем она сделала короткую запись и вызвала следующего кандидата. Ни одобрения, ни осуждения. Только отметка в системе.

Пластиковые блоки высыпали на стол с сухим треском. Стресс-моделирование.

Нас разделили на группы по пять человек. Задача казалась простой: за три минуты построить башню из блоков. Разговаривать запрещалось, смотреть друг другу в глаза — тоже. Следовало выполнять инструкции на экране. Любое нарушение фиксировалось.

Сэм оказался в моей группе. Эмили — за столом напротив. Даже здесь она сидела идеально прямо, положив руки на колени и не отрывая взгляда от инструктора. Сэм слушал объяснение с неожиданно серьёзным лицом и кивал, будто ему поручили не башню из пластика, а строительство нового Купола.

На экране начался отсчёт. Три минуты.

Блоки застучали о стол. Сэм работал быстро и ловко, почти не глядя на руки. На второй минуте я заметила, что парень рядом начал дрожать. Пластиковые детали ходили в его пальцах, башня опасно качалась. Ещё немного — и он уронит её. За срыв задания могли снизить оценку всей группы.

Сэм повернулся к нему и что-то тихо произнёс. Нарушение запрета на разговор было очевидным. Парень поднял на него глаза, кивнул и снова взялся за блоки. Инструктор заметил движение и сделал отметку на планшете.

Три минуты истекли. Башня устояла, хотя верхние блоки лежали неровно. Наша команда получила семь баллов из десяти. Группа Эмили — максимальный результат.

Сэм вышел из кабинета бледным. Улыбки не было. Он долго смотрел на отметку в планшете, словно надеялся, что цифры изменятся, если не моргать. Потом поднял глаза.

— Если эта отметка дойдёт до Отбора...

— Знаю, Сэм.

Я старалась говорить ровно, но голос всё равно прозвучал глуше обычного. Сэм нарушил правило ради другого человека, а Система записала это как отклонение. В Доминионе даже помощь могла стать уликой.

— Мне нужно с тобой поговорить. Не здесь и не сейчас. Но скоро. Очень скоро.

Я кивнула. Сэм на мгновение задержал взгляд на моём лице, словно хотел добавить что-то ещё, но передумал. Привычная ухмылка вернулась слишком быстро. Я уже знала: если он улыбался именно так, значит, настоящую эмоцию спрятал глубже.

— Ладно, пойдём. Эм ждёт. Если опоздаем, она прочитает нам нотацию о пунктуальности.

Мы вышли из центра. Уличный сквозняк коснулся лица, и только тогда я поняла, насколько душным был медицинский блок. Эмили ждала у входа. Первые метры мы прошли молча. Она несколько раз открывала рот, но каждый раз снова сжимала губы.

— Ну что? Как прошло? — наконец спросила она.

— Отлично, — ответил Сэм. — Я получил красную метку за разговор во время задания, ты — заслуженные десять из десяти, а Кэй — семь баллов и белый свет на сканере. В целом прекрасный день. Я бы повторил.

— Это не шутки, — сказала Эмили. В голосе проступил жёсткий страх. — Красная метка может стать первым шагом к распределению в обслуживающий сектор.

— Не может быть! Эм, мне срочно нужны твои знания бюллетеней. Спаси меня от незнания собственной участи.

Эмили вздохнула.

— Ладно. Идём домой. Завтра второй день, и я расскажу вам всё, что вычитала в бюллетенях. Всё, до последней строчки.

— Это будет безумно увлекательно, — сказал Сэм. — Предупреждаю: я буду демонстративно зевать.

— Это будет полезно для тебя.

Эмили пошла первой. Сэм пристроился рядом, а мне, как всегда с детства, досталось место между ними. Мы двигались привычной троицей, но сегодняшняя проверка оставила между нами невидимый зазор. Эмили старалась не смотреть на отметку Сэма. Сэм делал вид, что её не существует. Я думала о том, как быстро Система превращает случайный жест в характеристику человека.

Наклонившись ко мне, Сэм понизил голос так, чтобы слышала только я.

— Кэй. В Контуре есть теневые каналы связи.

Я повернула голову. Сэм продолжал смотреть перед собой. Улыбка оставалась на губах, но глаза были спокойными и настороженными.

— Нам нужно поговорить.

В его голосе не было ни шутки, ни привычной лёгкости. Только уверенность человека, который уже принял решение и теперь проверял, готова ли я его услышать.

— Хорошо.

— Отлично. А теперь прибавь шагу. Иначе Эм начнёт рассказывать о пользе раннего отхода ко сну для сохранения когнитивных функций. Очередную нотацию я не переживу.

Мы снова заговорили о пустяках. На несколько минут всё стало почти обычным: не было сканеров, красных меток, белого статуса и канцелярской фразы о безошибочности Системы. Были мы трое и дорога домой. Серый асфальт шуршал под подошвами, над крышами ровно гудели дроны, впереди тянулись одинаковые кварталы.

На дорожных плитах темнели старые трещины. Система не успела залить их свежим гудроном. Я задержала взгляд на одной: тонкая линия шла от края плиты к самому центру, затем раздваивалась, обходя маленький металлический крепёж. Совсем небольшая неровность. Почти незаметная, если не смотреть внимательно.

Вдруг захотелось дожить до того момента, когда я увижу ещё одну такую трещину. Не на дороге. В чём-нибудь гораздо важнее. И теперь, после слов Сэма о теневых каналах, я впервые за долгое время чувствовала: что-то действительно может измениться.

Глава 3

Мать не позволила мне доесть кашу. Ложка замерла на полпути ко рту; серые хлопья дрогнули на металле, оставив на поверхности тонкий молочный след.

— Сначала урок. Первая установка: «Мне не страшно». Повтори.

Я отложила ложку и прижала ладони к коленям. Пальцы вдавились в ткань — сильнее, чем требовалось. Нужно было удержать дрожь, пока она не добралась до рук.

— Мне не страшно.

Мать несколько секунд изучала моё лицо. Не разглядывала — проверяла, будто перед ней был экран с показателями, а не дочь.

— Левый уголок дёрнулся. Ещё раз.

Вдох на четыре счёта. Задержка. Медленный выдох. Я повторила упражнение, стараясь не выдать усилия, с которым заставляла собственное тело подчиняться.

— Мне не страшно.

— Лучше. Но голос сел на полтона. Капсула считает эту частоту. Ещё раз. Говори так, будто просишь соль за завтраком.

Повторяла снова и снова. Семь раз. Восемь. Слова постепенно теряли смысл, превращаясь в набор звуков. Лицо немело от напряжения, а страх никуда не уходил — только учился сидеть тихо.

— Ладно. Вторая реплика: «Я ничего не знаю о Лексе».

Я поперхнулась. Хлеб застрял в горле, и пришлось заставить себя проглотить его, прежде чем ответить.

— Что?

— Ты слышала. Без паузы, без глотка, без сжатых пальцев. Повтори.

— Я ничего не знаю о Лексе.

Мать чуть покачала головой. В её взгляде не было раздражения — только сосредоточенность человека, который замечает ошибку раньше, чем та успевает стать опасной.

— Ты моргнула два раза подряд и сжала пальцы под столом. Это видно по плечу. Ещё раз.

— Я ничего не знаю о Лексе.

— Голос дрогнул на имени. Для тебя оно должно звучать так же, как «стол» или «вода». Повтори.

— Я ничего не знаю о Лексе.

— А если услышишь название одного из закрытых проектов?

— Не слышала о таких.

— А если кто-то спросит тебя о нём?

— Скажу, что ничего не знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро. Скулы свело, пальцы под столом сами собой сжались в кулаки. Мать ещё немного изучала меня, словно решала, стоит ли продолжать, и наконец кивнула.

— Годится. Доедай и иди, а то опоздаешь.

После завтрака я убрала посуду, как полагалось. Мать дождалась, пока я подойду к двери, и заговорила, не оборачиваясь:

— Сегодня не смотри в пол. Если будут смотреть в глаза, не отводи их. Только спокойно. Ты ничего не скрываешь.

— Поняла, мам.

Дверь хлопнула, замок щёлкнул.

Я осталась стоять перед закрытой дверью, хотя мать уже не могла меня видеть. Провела языком по пересохшим губам и беззвучно повторила: «Мне не страшно». Получалось. Почти.

Вторая попытка вышла хуже первой: голос не дрогнул — он оказался слишком ровным. Так говорит человек, который заранее знает, что ему всё равно не поверят.

Пальцы привычно застегнули молнию до самого горла. В зеркале прихожей отразилось лицо, которое одобрила бы мать: спокойное, почти пустое, с расправленными плечами. Я задержала взгляд на собственных глазах, проверяя, не осталось ли в них чего-нибудь лишнего, и вышла. Холодный ветер ударил в лицо. Маска выдержала. «Мне не страшно. Мне не страшно. Мне не страшно».

По дороге в центр я заметила то, мимо чего вчера прошла, не подняв глаз. На втором этаже третьего подъезда окно закрывала серая панель. Не закрашенная рама и не ремонтная плёнка — цельный лист, без щелей, ручек и даже намёка на стекло. Казалось, за ним находилась не квартира, а пустота, которую решили навсегда вычеркнуть из дома. На асфальте темнел меловой полукруг — след зачистки Санитарного сектора. Мать учила не замечать такие вещи. Но память уже зацепилась за них, и мысленно отвести взгляд оказалось труднее, чем просто пройти мимо.

На стене четвёртого блока сквозь свежий слой краски проступали буквы: «ОНИ ПОМ...». Ниже кто-то успел дописать: «...НЯТ». Краска легла неровно, не сумев до конца скрыть царапины и очертания слов. Надпись продолжала проступать из стены — упрямее тех, кто пытался её стереть.

Я опустила голову и принялась считать шаги. Пока считаешь их, не приходится считать вдохи; если же начинаешь считать вдохи — дело совсем плохо. На углу здания низко гудела проводка распределительного щитка. Монотонный звук вплетался в счёт и сбивал его. На двенадцатом шаге я ошиблась, на двадцать первом — снова. Раньше пришлось бы начать сначала. Теперь я просто продолжила идти. Оказалось, порядок можно нарушить, не разрушив мир. Маленькое открытие, почти незаметное со стороны, но почему-то от него стало легче.

В центре нас разделили на группы. В моей оказалось двадцать три человека, включая Эмили и Сэма. Вместо привычных кабинетов нас повели вниз, по лестнице, уходившей под здание. С каждым пролётом воздух становился холоднее и тяжелее; на потемневших стенах проступала плесень. Пахло сыростью, пылью и чем-то сладковатым — так, должно быть, пахнут помещения, где годами не открывают окон и давно перестали замечать собственную затхлость. Внизу располагался зал с высоким потолком. Посреди него стоял стеклянный блок. За толстым прозрачным стеклом находился Эвол. Не изображение, не запись и не пропагандистская реконструкция. Настоящий. Мёртвый, законсервированный, закреплённый вертикально. Растяжки удерживали его так, словно даже после смерти он мог сделать шаг и броситься на тех, кто собрался вокруг. Ростом больше двух метров, с гладкой лиловатой кожей, будто под ней вместо крови текла разведённая тушь. Ни бровей, ни ресниц; на месте рта — тёмная щель. За чуть приоткрытой челюстью виднелись ряды зубов: не плоских, человеческих, а заострённых, с широким основанием, словно предназначенных не для того, чтобы откусывать, а чтобы дробить. Нижняя половина лица заметно перевешивала верхнюю. В неподвижности тела было что-то неправильное — не величественное и не звериное, а просто чужое.

Эмили перестала теребить рукав. Сэм убрал руки в карманы и чуть подался вперёд, разглядывая экспонат.

Дышать стало трудно. Зал расплылся по краям, голоса превратились в глухой фон. Ноги будто приросли к полу, хотя всё внутри тянулось к стеклу — не от страха, скорее вопреки ему. Двадцать лет пропаганды отделяли меня от этого существа всего двумя метрами. На билбордах Эволы всегда двигались: бежали, нападали, оскаливались. Их показывали в разгаре действия, когда человеку проще поверить, что перед ним нечто чужое и опасное. Этот не двигался. И именно поэтому смотреть на него было труднее. В его позе не читалось угрозы; он не издавал ни звука и не мог ответить на сотни взглядов, направленных сквозь стекло. Просто существовал — даже мёртвый, даже лишённый движения. От этой мысли пропагандистская

картинка впервые дала трещину. Из боковой двери вышел мужчина в белом халате. Самая обычная внешность: аккуратная стрижка, ничем не примечательное лицо, спокойная осанка. Рядом с законсервированным Эволом эта обыденность казалась почти неприличной.

— Прежде чем начнём, вопрос. Кто-нибудь знает, что это?

Несколько рук поднялись. Из первого ряда донеслось неуверенное:

— Эвол.

— Верно. А теперь вопрос сложнее. Зачем он здесь?

Повисла тишина. Мужчина снял очки, тщательно протёр одну линзу краем платка и снова надел. На поясе поблёскивал аналитический прибор; маленький индикатор мерно вспыхивал, словно отсчитывал не время, а чьё-то терпение.

— Потому что Доминиону полезно помнить, из-за чего он появился.

Представившись доктором Хейзом, лектор включил экран. На дисплее возник старый снимок: разбитые дороги, обугленные фасады, люди в защитных масках и низкое, тяжёлое небо. Фотография была выцветшей, но разрушения на ней не нуждались в чёткости.

— Сто тридцать лет назад человечество столкнулось с Катастрофой. Ресурсы заканчивались, население старело, продолжительность жизни падала. Учёные попытались решить проблему быстро. Сыворотка должна была замедлить старение и восстановить повреждённые ткани. Первые результаты были хорошими. Настолько хорошими, что после испытаний было принято решение о массовом применении в наиболее пострадавших регионах.

Сэм тихо сказал, даже не поворачиваясь к нам:

— Ну, конечно. Сначала дают тем, кто умирает. А потом удивляются, что они умирают иначе.

Эмили ткнула Сэма локтем. Хейз заметил движение и замолчал. Его взгляд задержался на Роуэне — достаточно долго, чтобы шутка перестала казаться безобидной. В наступившей тишине даже шелест одежды прозвучал громко.

— Я слышал, Роуэн.

— Хорошо. Значит, слух работает.

По группе прокатилась волна сдержанных смешков; несколько человек впереди не удержались и прыснули. Хейз не стал повышать голос. Просто дождался, пока веселье иссякнет само, и ровно произнёс:

— Да. Работает. И иногда полезно им пользоваться.

На экране вспыхнула схема человеческого тела — бледный силуэт на тёмном фоне. Красные линии обозначали участки, в которых изменения проявлялись особенно быстро.

Взгляд Хейза скользнул к Эволу. В операционном свете зала лиловая кожа существа казалась резиновой.

— Эмоциональная сфера угасла, за исключением агрессии. По крайней мере, именно так это описывают сохранившиеся исследования. Вместо привычного человеку спектра реакций остались базовые инстинкты: питание, размножение, территория. Первые нападения начались через одиннадцать месяцев. После этого появилась Стена. Затем Купол. Затем Доминион.

Кто-то рядом издал короткий сиплый звук, будто воздух застрял в горле. Хейз не сделал паузы, не дал группе времени переварить услышанное. На дисплее отобразился старый план города.

— И здесь начинается та часть истории, которую вы знаете лучше всего. — Хейз переступил с ноги на ногу; подошвы форменных туфель скрипнули по гладкому полу. — Доминион возник не как красивый проект и не как чья-то мечта о совершенном обществе. Он появился потому, что прежняя система перестала справляться.

Эмили подняла руку.

— А сколько людей погибло?

— Точных данных нет. Архивы были уничтожены во время первых эвакуаций.

Эмили кивнула и быстро занесла ответ в планшет. Сэм наклонился к ней, почти не шевеля губами:

— Поздравляю. Первый ответ за сегодня, который тебе понравился.

— Я просто записываю.

— Именно. Ты так записываешь, будто потом тебя будут спрашивать.

— А тебя не будут?

— Меня? Нет. Я рассчитываю на врождённый талант выглядеть бесполезным.

Эмили задержала на нём взгляд чуть дольше, чем требовалось, словно собиралась ответить, но передумала и снова уткнулась в планшет. Хейз тем временем сменил изображение.

— После создания Доминиона была попытка обратить мутацию. Разрабатывались проекты, целью которых было создание антидота, способного подавить мутацию и восстановить исходный генетический код. Названий Хейз не произнёс. Четыре буквы стояли в углу слайда, в строке служебной маркировки, и он их не комментировал.

«IRID». Одно короткое слово — и утренние наставления матери отозвались во мне раньше, чем успела появиться мысль. Лоб разгладился сам собой, ладони замерли на бёдрах. Я заставила себя не менять позу.

На экране появилась схема, больше похожая на цепь ДНК, чем на медицинскую иллюстрацию.

— Но в ходе проектов выяснилось, что физический контакт с Эволом способен запустить мутационный каскад в организме человека. Поэтому первоначальную разработку перепрофилировали: вместо узкого антидота создали универсальный генетический стабилизатор. Он встраивался в организм подобно антителу и передавался по наследству. Для большинства носителей это стало защитой.

Взгляд лектора снова вернулся к графикам.

— Но не для всех.

На дисплее появилась фотография иридиевых глаз. Узнавание ударило раньше, чем я успела прочесть подпись. Пальцы впились в ткань брюк, но внешне я не шелохнулась.

— У небольшой доли носителей возникает иридиевый профиль. Этих людей называют Нулевыми.

Эмили смотрела на экран, но периферийное зрение уловило, как дрогнули её губы.

— Нулевые — это почти Эволы? — спросил кто-то.

— Нет, — отрезал Хейз, не отрывая взгляда от таблиц. — Это отдельный генетический профиль, а не стадия развития Эвола. Точнее всего назвать его тупиковой ветвью каскада, а не началом трансформации.

— Они опасны?

Хейз посмотрел на спросившего. По толпе прокатился едва уловимый шорох одежды.

— Всё неоднозначно. Данные об активации иридиевой мутации ограничены. Именно поэтому Нулевые находятся под наблюдением.

Кто-то поднял руку, но Хейз продолжил, не давая перебить себя:

— Не потому, что каждый из них опасен. А потому, что мы не знаем, что произойдёт в каждом конкретном случае. Мутация активируется — и дальше сценариев нет. Осторожность в таких случаях — не предубеждение. Это метод.

Я стояла прямо, вытянув руки по швам. Ладони казались чужими — тяжёлыми, непослушными, словно их залили гипсом. Под наблюдением. Но я уже знала, что в Доминионе неизвестность никогда не оставляли в покое. И теперь под стеклом могла оказаться я.

Хейз выключил фотографию.

— Есть вопросы?

Из толпы снова потянулись пальцы.

— А Эволов сейчас убивают?

— Во внешней зоне действует «Авангард». Его задача — удерживать популяцию и не допускать её приближения к стенам.

— Почему их не вылечат?

Хейз посмотрел на стекло. Мёртвый Эвол стоял всё так же неподвижно, а его лиловатая тень, искажённая светом ламп, уходила по полу в глубину зала. На мгновение показалось, что тень длиннее самого тела.

— Лечения пока не существует.

Сэм поднял руку. Эмили повернулась к нему с таким выражением, будто сожалела о том, что ему вообще разрешили пользоваться этой частью тела.

— Если Доминион безошибочен, — Сэм чуть наклонил голову и посмотрел Хейзу прямо в глаза, — почему протоколы Отбора требуют от нас бесконечных подтверждений? Зачем Системе столько этапов перепроверки, если она и без того заранее знает результат?

В зале повисло ожидание. На настенном терминале индикатор на долю секунды сменил зелёный цвет на предупреждающий багровый, затем снова стал зелёным. Почти никто не заметил сбоя. Я заметила — и тут же пожалела об этом: теперь взгляд невольно возвращался к терминалу, будто он мог повторить предупреждение.

— Система не перепроверяет себя, Роуэн, — хладнокровно ответил Хейз, опустив ладони на кафедру. — Она отслеживает изменения ваших метрик в динамике. То, что вы ошибочно принимаете за неуверенность алгоритма, — всего лишь процесс интеграции. Просчёт совершает гражданин, который пытается скрыть инакомыслие или нарушает регламент.

— То есть все эти тридцать дней подготовки... — Сэм не отступал. На шее у него обозначилась напряжённая жила, но голос оставался почти ленивым. — Ежедневные тесты, срезы, анализы нужны для того, чтобы мы сами загрузили в Систему сведения о собственных отклонениях? Чтобы в финале Капсула отправила нас в санитарный сектор на основании наших же логов?

Хейз чуть приподнял бровь. В его взгляде не было злости — только холодное превосходство человека, которому не приходилось доказывать своё право задавать вопросы.

— Это значит, что если за тридцать дней ваши метрики выявят скрытую нелояльность или неспособность следовать правилам, Капсула распределит вас туда, где Доминиону потребуется непредсказуемый, неконтролируемый ресурс. Любое сопротивление решению — не поиск справедливости, а девиация человеческого фактора. Система не ошибается. Ошибается человек, который полагает, будто его скрытый саботаж останется незамеченным алгоритмом.

— Наконец-то честный ответ.

— Других ответов Доминион для вас не готовил. — Хейз нажал клавишу на пульте. На экране появился герб Доминиона, строгий и безупречно симметричный.

— Вы будете слышать слова о свободе, выборе и справедливости. Запомните простую вещь: Доминион существует не для того, чтобы каждому было удобно. Он существует для того, чтобы выжило большинство.

Эмили перестала писать. Грифель стилуса замер над экраном.

— Закон не обещает, что вы получите всё, чего хотите. Он обещает другое: никто не получит права уничтожить остальных ради собственных желаний.

В памяти возник отец. В любом споре его первым вопросом было не «Кто прав?», а: «Что если я не соглашусь?» Он никогда не считал несогласие преступлением само по себе. В Доминионе даже такая мысль звучала почти неприлично.

Хейз выключил трансляцию.

— Три минуты. Можете подойти к стеклу.

Группа двинулась вперёд. Эмили остановилась на расстоянии вытянутой руки и начала читать что-то на панели. Сэм смотрел на меня.

— Ты идёшь?

Правильнее было бы остаться у стены. Там, среди остальных, можно было смотреть на Эвола украдкой, не привлекая внимания. Но ноги уже сделали шаг. Вблизи он не казался ни страшнее, ни отвратительнее. Просто стал настоящим — слишком близким для существа, о котором мне рассказывали с самого детства. Я подошла ещё на несколько дюймов. Гул голосов отдалился, лица расплылись, и в поле зрения остался только он. Рука медленно поднялась к прозрачной преграде.

Я разглядывала его руки: длинные пальцы, ногти, похожие на тонкие керамические пластины, суставы, которые даже в неподвижности казались слишком крупными. Возле ключицы тянулась тонкая линия шрама. Именно она заставила меня задержать взгляд. Почему у существа, которое учили считать бездумным хищником, вообще должен быть шрам? Кто-то когда-то причинил ему боль. Или он сам получил её, пытаясь выжить.

Сэм перехватил меня за запястье. Пальцы у него были прохладными, хватка — неожиданно крепкой. Он не сжал руку до боли, но одного прикосновения хватило, чтобы зал снова обрёл резкость, а звуки вернулись на свои места.

Я посмотрела на него.

— Всё нормально.

— Нет, не нормально. Остальные смотрят на него и хотят отойти, — Сэм понизил голос до шёпота и увёл меня на пару шагов назад, подальше от Эмили. — А ты смотришь так, будто хочешь подойти ещё ближе.

Рука опустилась. Пальцы продолжали гореть — не там, где их сжимал Сэм, а там, где секунду назад они тянулись к стеклу.

— Может, у меня плохой вкус.

— Естественно. Ты дружишь со мной.

Я выдохнула коротко, почти усмехнувшись. Сэм не улыбнулся. Лицо его стало жёстче, а привычная насмешка исчезла так быстро, что я не успела понять, когда именно.

— Завтра после центра. Старый полигон, сектор четырнадцать. Поговорим там.

Взгляд невольно метнулся к настенному хронометру. Частый стрекот механизма вдруг стал невыносимо громким, словно отсчитывал не оставшиеся секунды, а время до чего-то, о чём я пока не знала.

— Я не могу объяснить, что произошло.

— Ничего, — Сэм едва заметно качнул головой. — Зато я знаю, что нам с этим делать. — Он отпустил моё запястье не сразу, будто проверял, вернулась ли я окончательно. — Только без Эм.

— Почему?

— А то ты не понимаешь. — Сэм мгновенно сменил позу, оборвал шёпот и шагнул навстречу Эмили. — Эм, сколько зубов ты насчитала?

Эмили посмотрела на него с недоверием.

— Я не считала зубы.

— Плохая подготовка, — покачал головой Сэм. — А вдруг именно этот вопрос попадётся на Отборе?

— Осталось сорок секунд, — отрезала она, проверив таймер на инфопанели.

— Умничка. Даже секунды знаешь. Когда-нибудь эту дотошность оценят.

Эмили прищурилась, переводя настороженный взгляд с Сэма на меня. Пальцы снова нашли край рукава и принялись теребить ткань — привычка, которая возвращалась всякий раз, когда она чувствовала, что от неё что-то скрывают.

— О чём вы говорили?

— Обсуждали стоматологию. Эволы — перспективный рынок.

Шутку Эмили проигнорировала и впилась взглядом в меня. В её внимательности не было ничего случайного: она замечала мелочи, а потом складывала их в выводы, от которых сама же начинала тревожиться.

— Просто рассматривала экспонат.

Подруга ещё несколько секунд вглядывалась в моё лицо, пытаясь обнаружить подвох. Но строгий регламент и таймер оказались убедительнее подозрений.

— Ладно. Пора возвращаться к лектору.

Хейз стоял у выхода, склонившись над планшетом. Когда мы проходили мимо, он поднял глаза — и задержал взгляд на мне. На экране мелькнула строка: «Торн...». Палец лектора скользнул по дисплею, закрывая остальное. Я успела заметить только фамилию, прежде чем Сэм потянул меня за рукав.

— Не смотри назад. Он чертовски не любит любопытных.

— Это не утешение.

— Главное, я старался.

Снаружи сумерки успели загустеть, окрасив углы зданий в мёртвый графит. Из низины громада центра казалась прямоугольным гребнем, разрезавшим небо над нашими головами. В окнах верхних этажей уже зажглись одинаковые полосы света — ровные, холодные, будто здание не освещали изнутри, а размечали на секции.

— Завтра третий день. Верификация. Моральные дилеммы, проверка реакции на нарушение протокола. Если знать формулировки, можно подготовиться.

— Конечно можно, — отозвался Сэм, пряча лицо в высокий воротник от порыва ветра. — Можно даже заранее выдрессировать правильную, сертифицированную душу.

Эмили нахмурилась. Губы превратились в тонкую прямую линию.

— Я серьёзно, Сэм.

— Я тоже, Эм. Предельно серьёзно. — Он замолчал, и ирония окончательно ушла из его голоса. На этот раз за ней не последовало ни шутки, ни привычной улыбки.

Дорога домой привычно разделила нас: Сэм шёл впереди, Эмили держалась позади, а я оказалась между ними. Мысли возвращались к завтрашней проверке, к словам матери, к необходимости держать лицо и не смотреть туда, куда не следует. Над головами, растворяясь в сумерках, монотонно подвывал высотный патрульный дрон. Его гул помогал заглушить тревогу, но не мог вытеснить два секрета, уже осевших в памяти.

Первым был разговор за дверью отцовского кабинета. Тогда я не разобрала почти ничего: отец говорил негромко и зло — так он никогда не говорил со мной. «Тебе мало, что его закрыли? Его не просто закрыли, Лекс. Его убрали». Дальше доносились обрывки о каких-то документах, чужом допуске и человеке, который не должен был снова туда попасть. И последнее, уже совсем тихо: «Ты полезешь туда ещё раз — и это ударит по Каэль». Утром отец спросил, сделала ли я упражнения на дыхание, и больше ничего. Я не знала, о чём именно они говорили. Да и тогда не пыталась разобраться — только запомнила отцовский голос, непривычно резкий и чужой.

Вторым был старый полигон, сектор четырнадцать. Завтра мне предстояло прийти туда одной, без Эмили, ничего не объяснив ни матери, ни кому-либо ещё.

Мать учила меня не высовываться. Но в глазах Сэма читалось нечто иное, чем страх: знание, которое он пока не собирался разделять со мной. Каждый шаг давался всё труднее. Я пыталась понять, что тревожит сильнее: его тайна или собственное желание узнать её. Впервые за долгое время мне не хотелось ждать разрешения.

Впереди Эмили что-то говорила о бюллетене, Сэм время от времени отвечал. Их голоса постепенно растворялись в уличном шуме. А перед глазами всё ещё стоял стеклянный куб. Не лицо Эвола, не зубы и не лиловая кожа. Рука. И шрам возле ключицы — слишком человеческая деталь для того, кем его разрешили считать.

Я подняла взгляд к Куполу. За прозрачной конструкцией темнело небо. И это желание — увидеть его по-настоящему, не через учебник, не через стекло, не через чужой пересказ — уже не имело ничего общего с любопытством. Впервые мне захотелось не просто узнать, что скрывает Доминион, а увидеть всё собственными глазами.

Глава 4

Ладонь матери накрыла стакан, когда на дне оставалось всего два глотка. Вода дрогнула, и отражение потолочной лампы распалось на мелкие серебристые осколки.

— Хватит. Сегодня верификация.

Она поставила стакан на полку рядом с отцовскими часами. Механизм не ходил уже два года — лишь изредка отзывался сухим, пустым треском. Мать всё равно раз в неделю заводила пружину. Ритуал ничего не менял, но, кажется, именно поэтому она продолжала: были вещи, которые ещё можно было удержать в порядке, даже если время давно перестало им подчиняться.

— Встань. — Она указала подбородком на центр комнаты. — Руки по швам.

— Меня ещё не приговорили, — сказала я, поднимаясь со стула. Тело подчинилось неохотно. Ладони я оставила свободными, не прижимая к швам.

— Пока нет.

Она поправила ворот моей куртки. Холодные пальцы слегка дрожали, хотя движения оставались привычно точными. Мать замечала перекос ткани быстрее, чем чужую боль; возможно, потому что с тканью всегда было проще что-то исправить.

— Если спросят про брата, не торопись отвечать, — произнесла она, не поднимая глаз. — Мы это уже проходили. Но сейчас речь не об экзамене. Если он попытается связаться с тобой, не отвечай.

— А если ему нужна помощь?

Мать замерла. На мгновение лицо утратило привычную подвижность; только взгляд скользнул к часам, будто ответ мог обнаружиться среди застывших цифр.

— Тогда тебе придётся решить, кого именно этим убьёшь.

Угроза, прозвучавшая утром, снова возникла между нами. Я промолчала. Мать тоже. Она умела заканчивать разговоры без точки: просто закрывала дверь, оставляя тебя наедине со всем, что не успел сказать.

— Иди, — её рука потянулась к ручке, — осталось сорок минут.

Дверь уже открылась, разговор был окончен. Но стоило переступить порог, как вслед донеслось тихое, почти беспомощное:

— Я пытаюсь сделать так, чтобы ты каждый вечер возвращалась домой.

Я пошла дальше, сделав вид, что не расслышала. Отстранённость удержать было проще, чем признать: за этой фразой стояла не только попытка оправдаться. Там был страх. И, возможно, любовь — такая, которая не умела отпускать и потому всё время превращалась в запрет.

До верификации оставалось сорок минут. Сорок минут до разговора с Системой, которая снова предложит мне добровольно подтвердить согласие с жизнью, выбранной без моего участия.

Дорога к центру будто сама пыталась вернуть меня в привычную колею. На перекрёстке мигнул указатель: «Жилой блок 4 — прямо». Я свернула налево, хотя так путь становился на десять минут длиннее. Маленькое, бессмысленное отклонение — и всё же моё. У распределительного терминала тянулась очередь. Мужчина передо мной задержался: экран дважды вспыхнул красным, и служащая попросила назвать номер квартиры. Затем дату рождения. Потом имя матери. Каждый следующий ответ звучал тише предыдущего. Лишь после третьей проверки терминал загорелся зелёным.

— Следующий.

Черты мужчины отпечатались в памяти с неожиданной ясностью. Раньше я не задерживала взгляд на незнакомцах. Мать назвала бы это опасной наблюдательностью, привычкой

замечать то, чего замечать не следует. Но сегодня чужое лицо не растворилось в потоке прохожих. Впервые это показалось не слабостью, а способом не позволить чужим жизням стать фоном. У входа в центр на стеклянной панели висело новое объявление: «Верификация — не наказание. Это возможность подтвердить пригодность». Под лозунгом кто-то тонко нацарапал одно слово: «Кому?». Я задержалась на один вдох и пошла дальше.

Комната для верификации оказалась меньше, чем я представляла: серые стены, узкий стол, два стула и камера в углу. Красный индикатор мигал с безупречной регулярностью, выхватывая то край стола, то мои пальцы. За дверью отбивали каблуки. Женщина в белом халате села напротив и открыла планшет. На её лице не было ни любопытства, ни неприязни — только сосредоточенность человека, которому предстоит заполнить ещё одну форму.

— Вам покажут ситуацию. Вы скажете, как поступили бы. Здесь вы отвечаете на вопросы, а не задаёте их, — предупредила она, прежде чем я успела заговорить. — Если всё понятно, начнём.

Экран включился. На нём сидел парень лет двадцати в куртке кандидата, с оторванной пуговицей у воротника. Он смотрел прямо в камеру — так смотрят люди, которые уже поняли, что проиграли, но ещё пытаются сохранить лицо.

— Меня зовут Джозеф Коул. Вчера я нашёл чужую карту доступа. Скопировал данные и тем самым нарушил двенадцатый пункт регламента. Мог вернуть карту, но не вернул. Не знаю, что делать. Помогите.

Голос системы выдал оцифрованным тембром: — Кандидат Коул нарушил регламент. Ваши действия?

Я выпрямилась. Мать оказалась права: честный ответ здесь не требовался. Требовался безопасный. Спина напряглась, плечи застыли, и на несколько секунд мне показалось, что перед камерой сидит не человек, а манекен, которому заранее объяснили, как правильно выглядеть.

— Сообщу о нарушении в установленном порядке.

— А если нарушение не повлекло ущерба и кандидат признаётся добровольно? Ваши действия?

— Сообщу. Моё мнение не отменяет процедуры, даже если я сочту наказание чрезмерным.

Время растянулось, превратившись в череду чужих проступков и заранее подготовленных реакций. Неоновый свет постепенно вытеснял мысли. Далее предложили представить человека, нарушившего правило ради близкого, затем — того, кто сообщил о нарушении и отправил близкого под следствие. Формулировки менялись, но смысл оставался прежним: доказать, что личная привязанность ничего не значит, когда на другой чаше лежит интерес Системы.

— Если молчание спасает одного человека и подвергает риску десятерых, что вы выберете?

— Предотвращу риск для десятерых и сообщу в установленном порядке.

Женщина напротив что-то отметила в планшете.

— Даже если это ваш брат?

Вот здесь мать подготовила меня лучше всего. Искать справедливый ответ больше не хотелось. Я сосредоточилась на другом: какой ответ они сочтут правильным и насколько убедительно я смогу его произнести. Выдержала ровно одну паузу — достаточно короткую, чтобы не показаться испуганной, и достаточно долгую, чтобы ответ не прозвучал заученным.

— Личные связи не меняют протокол.

Это было первое настоящее упражнение. Не на ложь — на умение спрятать правду так глубоко, чтобы собственный голос не выдал, где именно она лежит.

Я опустила взгляд на руки. Пальцы спокойно лежали на коленях, ни один не дрогнул. Даже левый уголок рта, который мать заставляла меня контролировать с утра, остался неподвижным. Она могла бы гордиться. От этой мысли стало неприятно.

Когда вышла, Эмили ждала у двери. Пальцы привычно и мелко терзали край рукава.

— Ну? Что досталось? — она подалась вперёд, ловя размытое отражение в стеклянных панелях коридора.

— Стандартная ситуация с нарушением, выдала алгоритм: сообщить в установленном порядке.

Эмили кивнула, в её лице проступило облегчение.

— Правильно.

Поведение Эмили заставило задуматься. Подруга действительно так считала — без игры, без расчёта, без попытки угадать, чего от неё ждут. Для неё порядок был не клеткой, а поручнем над пропастью: держишься крепче — и не падаешь. Её уверенность давила сильнее, чем я хотела признать. На мгновение мне захотелось стать такой же. Желание оказалось страшнее самой верификации.

— Поздравляю, — произнёс Сэм, не отрывая взгляда от ладоней. Он медленно сгибал и разгибал пальцы, словно проверял, не осталось ли на коже следов от невидимых наручников. — Ты официально научилась доносить на выдуманных людей. Особый талант. Не каждый способен настучать на призрака.

— Главное, что они выдуманные.

— Пока выдуманные.

Домой после центра я не пошла. Ноги привели к старому ангару в секторе четырнадцать. Заброшенная база нависала над пустырём тяжёлым бетонным массивом; выцветшие стены и выбитые окна выглядели честнее стерильных залов, где даже воздух, казалось, проходил проверку. Отец показал мне эти руины задолго до своей смерти. «Если когда-нибудь понадобится вспомнить, кто ты есть, — сказал он тогда, — приходи сюда».

К нише я подошла не сразу. Несколько минут простояла у входа, прислушиваясь к ветру и редкому скрежету металла внутри ангара. Отец говорил, что заброшенные места опасны не пустотой, а тем, что человек перестаёт замечать мелочи. Он научил меня проверять три вещи: выход, звук и то, чего здесь быть не должно. Выход оставался свободен. Из звуков — ветер и металл под перекрытиями. А возле бетонной стены лежала свежая земля. Я присела: пыль у старой арматуры была потревожена, на сером налёте угадывался след подошвы, смазанный носком ботинка. Кто-то приходил сюда кроме меня. Следовало уйти. Вместо этого я осмотрела углы, обошла пролом в стене и только потом открыла нишу. Пистолет лежал на месте. Тогда и пришла мысль: возможно, отец оставил мне не оружие. Возможно, в наследство досталась привычка проверять собственные решения, даже когда очень хочется поступить наоборот.

Оса-8. Небольшой тёмно-серый пистолет с потёртой рукоятью, обмотанной отцовской изолентой, чтобы металл не скользил в ладони. Магазин на восемь патронов. Холодная сталь легла в руку — тяжёлая, отнимающая тепло и до боли знакомая. Пальцы сами нашли правильное положение. На мгновение показалось, что отец стоит рядом и смотрит, не вмешиваясь. Он всегда повторял: оружие ничего не решает; всё решает человек, который держит его в руке. А потом учил дышать. Вдох на четыре счёта. Задержка. Выдох. «Не тяни спуск. Не дёргай. Отпусти. Палец сам найдёт момент, если ему не мешать».

Магазин оказался полным. Отец всегда оставлял его полным. «Пустой магазин — не оружие, а кусок металла с амбициями». Ноги встали на ширину плеч, левая ладонь закрепила рукоять. В двадцати метрах на бетонном щите темнела точка. Не мишень — точка. «Не цельсь в мишень. Цельсь в точку. Мишень — абстракция. Точка — конкретика». Я вдохнула, задержала дыхание и позволила рукам успокоиться, привычная дрожь отступила.

Первый выстрел ударил в ладонь отдачей. Гильза звякнула о бетон, и резкий металлический звук разорвал тишину ангара. Точка на щите раскололась. Второй. Третий. К четвёртому выстрелу тело уже вспомнило то, чему его учили; к восьмому магазин опустел, а затвор замер в крайнем положении. Пороховой дым медленно расползался под перекрытиями. Сверху, из трещин, лениво осыпалась вековая пыль, окрашивая свет в грязно-серый цвет.

Восемь нажатий — восемь попаданий. Отец бы кивнул. Не похвалил бы, не улыбнулся, просто кивнул. Этого всегда хватало. Но теперь за знакомым движением стояло и другое знание: стрельба была запрещена. Если Система обнаружит оружие, последует наказание. Меня, вероятно, ликвидируют дважды — для надёжности. А в отчёте напишут: «В связи с опасным нарушением».

Я снова снарядила магазин, вернула пистолет в нишу, прикрыла арматурой и присыпала бетонной крошкой. Пыль осыпалась с ладоней. Здесь, в слепой зоне, Система казалась не всевидящей, а просто огромной машиной, у которой тоже есть слабые места. Мысль была опасной. И удивительно приятной.

Сзади раздались шаги. Длинная тень ломалась на выщербленном бетоне ангара.

— Опять тренируешься, — сказал Сэм, выходя на свет и застёгивая куртку до самого подбородка.

— Ты опоздал, — я обернулась, не убирая ладони от замаскированной ниши. — Часы опять сломались?

Он улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. Взгляд скользнул к нише, потом вернулся ко мне. Настороженность появилась раньше, чем он заговорил.

— Что происходит, Сэм? Выкладывай.

— Ничего хорошего, — ответил он. В тусклом свете лицо казалось серее обычного. — Но если тебе вдруг хочется чего-нибудь горяченького, у меня есть кое-что интересное.

Он достал из внутреннего кармана куртки бумажный лист:

— Это карта.

Я развернула лист. Бумага отсырела по краям, линии были неровными, нанесёнными от руки. Несколько отметок, короткие подписи и красный крест в правом нижнем углу. Скорее рабочая схема, чем карта: её рисовали не для того, чтобы рассматривать, а чтобы по ней дошли.

— Откуда она?

— Из места, где не любят лишних вопросов. Через Контур со мной связались. Не спрашивай кто — не знаю. Но канал проверен. Человек настоящий. Шифрование чистое, данные сходятся. По крайней мере, настолько, насколько я сумел проверить.

Внимание снова переключилось на карту.

— Что ему нужно?

— Ничего, — отрезал Сэм и забрал у меня лист. Его пальцы скользнули по моей ладони. Прикосновение было коротким, но я всё равно заметила, как он торопливо убрал руку.

— Люди ничего не делают просто так.

— Вот и я так решил. Потом ещё раз всё взвесил и понял, что лучше проверить. В Доминионе, если кто-то говорит «мне от тебя ничего не нужно», обычно следом уточняет: «только печень, пожалуйста, без желчного».

— И? — спросила я, ковырнув носком ботинка трещину в бетонном полу и не глядя на него.

— За Стеной живут люди.

— Что? Там мёртвая зона.

— Система врёт. Фотографии, координаты, сигналы сходятся. Не один источник, Кэй. Несколько независимых. Я проверял их по отдельности, а потом сопоставил. Ошибка могла бы повториться в одном месте, но не во всех сразу.

— А если ловушка?

— Не исключено. Но Доминион тоже ловушка. Просто с кашей по расписанию и бесплатным психотестом. А там хотя бы есть шанс увидеть, что находится за стеной.

— И ты хочешь к ним? Сбежать, прихватив меня с собой?

— Бинго. Помнишь, ты однажды сказала: если придётся выбирать между безопасностью и правдой, ты выберешь правду?

— Я такого не говорила.

— Уверен, ты так думала.

— Идиот.

Усмешка сама собой тронула губы, но взгляд снова вернулся к карте. На ней был обозначен старый дренажный коллектор, точка выхода, маршрут через сектор девять и дальше — внешняя зона, которую на всех официальных схемах закрашивали чёрным и подписывали одним словом: «запрещено». Красный крест стоял за границей привычного мира.

— Как мы пройдём? — я посмотрела на угол ангара. Потрескавшийся бетон казался надёжнее, чем тонкие линии на промозглой бумаге.

— Под Стеной. Через коллектор. Сорок минут в темноте — и мы снаружи. Если, конечно, ты не предпочитаешь экскурсию с фонариками и экскурсоводом.

— Я предпочитаю не умереть.

— Тогда тебе не понравится план.

Я пробежалась глазами по линиям схемы и подняла взгляд на Сэма. Вопрос, который следовало задать с самого начала, наконец перестал помещаться внутри.

— А Эволы?

Сэм пожал плечами, подбирая слова, чтобы не звучать как самоубийца.

— Эволы не подходят к самой Стене. Авангард чистит периметр каждую неделю. В коллекторе их быть не должно. На выходе — возможно. Но нас должны забрать раньше, чем они поймут, что мы здесь.

— По твоей логике мне остаётся надеяться, что Эволы не решат, что мы аппетитнее, чем тот парень, которого они сожрали в прошлую среду.

— Во-первых, его не сожрали. Он совершил плановую интеграцию в экосистему периметра. Это другое. Во-вторых, Эволы не едят Нулевых. Слишком много иридия в крови. Наверное. Эмаль, химия, вся эта радость.

— Очень смешно, Сэм.

— Ну вот, теперь это хотя бы звучит как план, верно? — он улыбнулся.

— Что это за точка? — палец ткнул в жирный крест на листе.

— Машина. Или катафалк. В нашем случае разница небольшая. Главное, что нас заберут.

— Кто? Кто эти спасители?

— Не знаю.

— Это же бред.

— Бред — это когда тебе едва исполнилось двадцать, а ты послушно ждёшь приговора Капсулы и последующего распределения. Но да, технически ты права: план не идеален.

— Ты предлагаешь мне ползти сорок минут под Стеной к неизвестной машине, где будут сидеть неизвестные люди, — я произнесла каждое слово отдельно, будто раскладывала перед ним детали этой затеи. — И всё это на основании фотографий и обещания неизвестного человека.

— Когда ты говоришь, звучит действительно немного сомнительно.

— Немного?

— Хорошо. Сильно сомнительно.

— Нет, — ответ вырвался резко и уверенно. — Никуда я не полезу.

Сэм не стал спорить. Именно это насторожило сильнее всего. Обычно он цеплялся за каждое моё возражение, пока не превращал его в повод для очередной издёвки. Сейчас же просто ждал, и от этого решение вдруг стало по-настоящему моим.

— Ты сейчас должен был начать спорить, — шаг к нему вынудил его поднять взгляд. — Сказать, что я трусиха. Что мне нравится моя клетка и что Система уже прописала мне идеальный пенсионный план. Почему молчишь?

— Могу. Но берегу лучшие фразочки для особого случая. А ты, Кэй, пока не дотягиваешь. Средний уровень. Может, даже ниже среднего.

— Ты правда хочешь уйти? Навсегда?

— Не знаю. Знаю только, что не хочу однажды проснуться и понять: вся моя жизнь состояла из вещей, которые мне разрешили.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки, уставившись в трещину на пыльном бетоне ангара. За Стеной ничего не было — так говорила Система. Но если там ничего нет, откуда фотографии, координаты и сигналы? И почему Сэм, который обычно шутил даже перед лицом неприятностей, теперь так тщательно подбирал слова? Впервые я допускала, что он не просто увлёкся очередной авантюрой. Возможно, он действительно боялся остаться.

— Почему без Эмили?

— Кэй, не начинай. Эм не плохая. Но она верит, что Система спасает людей, а Купол — единственная преграда между нами и гибелью. Если мы скажем ей, что собираемся нарушить закон, её собственный кодекс потребует доложить.

— Она может просто не пойти с нами, остаться здесь...

— А дальше? Её начнут спрашивать. Она не умеет врать, ты это прекрасно знаешь. Даже если промолчит, по ней всё будет видно.

В памяти мгновенно всплыло, как Эмили мелко терзала рукав, когда нервничала.

— Она нас возненавидит. Сто процентов.

Сэм усмехнулся, но веселье быстро выветрилось. Мы замолчали. Ветер гнал пыль по бетонному полу. Где-то за ангаром скрипнул металл. Я посмотрела на пролом. Никого. Прислушалась ещё раз: только далёкий треск старого динамика на столбе. Возможно, ветер. Возможно, кто-то действительно был рядом. Проверять не хотелось.

И тут Сэм достал из кармана фотографию. На ней был небольшой металлический жетон.

— Прислали вместе с координатами. Я думал, это скидка на похороны, но потом присмотрелся.

На жетоне была выдавлена буква «L». Улыбка исчезла с лица. Я узнала её раньше, чем успела решить, хочу ли узнавать.

— И что же ты видишь, Сэм?

— Не знаю, — Сэм посмотрел на меня почти испуганно. Под привычной насмешливостью проступило упрямство, которое он слишком долго прятал. — Кэй, правда не знаю. Но решил, что ты должна это увидеть.

Я взяла фото. На жетоне одна буква. До боли знакомая. Лекс.

Сэм отвёл взгляд. Этого было достаточно, чтобы всё стало понятно раньше, чем он открыл рот.

— Я думал про Лекса, но не хотел говорить, — он сцепил пальцы за спиной. — Если это действительно связано с ним, тебе будет гораздо труднее решить. Я не хотел подсовывать тебе надежду вместо фактов.

— И ты принял решение за меня? — бумажный квадрат согнулся в моей ладони, оставив на пальцах резкий залом.

— Нет. Я хотел дать тебе выбор, а не надежду.

Лекс. Брат. Четыре буквы, которые мать заставляла произносить так, будто речь шла о чужом человеке. Он мог быть жив. Мог не быть. Но теперь за Стеной появилась возможность

— зыбкая, ничем не подтверждённая, почти жестокая. Факт можно оплакать. Возможность приходится носить с собой: беречь и бояться одновременно.

— Кэй, если хочешь отказаться — откажись, — произнёс Сэм и направился к выходу из ангара. — Не иди туда только из-за Лекса. Если его там не окажется, ты будешь винить меня. И будешь права.

— Я и сейчас тебя виню.

— Тогда всё по плану, — он улыбнулся, хотя глаза остались серьёзными. — Послезавтра. Встречаемся здесь. Вода, еда, аптечка, тёплая одежда. Ничего лишнего.

— Оружие?

Он посмотрел на замаскированную нишу и кивнул.

— А если за Стеной не окажется людей?

— Тогда окажемся далеко от дома и зря потратим ночь. В худшем случае — жизнь. Но это уже детали.

— Гениальный план. Сэм, ты ведь понимаешь: если мы уйдём, назад уже не получится вернуться. Разве тебе не страшно?

Он обернулся. На этот раз улыбка вышла шире, почти вызывающей. В дверном проёме его силуэт казался непривычно прямым, словно он заранее приготовился к тому, что назад дороги не будет.

— Страшно.

— Тогда почему ты улыбаешься?

— Если перестану улыбаться, придётся признать, что я понятия не имею, что делаю. — Он пожал плечами. — И ещё. Если возьмут, всё сваливай на меня. Скажешь, что это была моя идея, что я псих и что ты пыталась меня остановить. Чем убедительнее сыграешь, тем больше шансов, что тебе поверят.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Для Системы я как просроченный продукт на полке распределительного ларька: формально ещё существую, но никто не расстроится, если меня уберут.

— Я не смогу тебя бросить.

— Сможешь. Если не бросишь, под ударом окажемся не только мы, но и все, кто был рядом. Ты этого хочешь?

— А ты бы смог оставить меня?

Сэм замолчал. Сумерки в проёме ангара скрыли его лицо, оставив только силуэт. Впервые за весь разговор он не нашёл шутки, которой можно было бы прикрыть ответ.

— Тебя не брошу. В таких случаях кнопка «сдаться» деактивируется. Не обещаю, что смогу спасти, но не брошу.

— Говорю же, идиот.

— Знаю. Но идиот с планом лучше, чем умный без него. А теперь иди домой. Послезавтра будет долгая ночь. Поспи, а то будешь ползти по коллектору с лицом человека, которого не взяли даже в санитарный сектор. Не хочу, чтобы Эволы на выходе решили, будто мы уже мёртвые.

Глаза непроизвольно закатились.

— Послезавтра. Два сорок.

— Послезавтра. Два сорок, — повторила я, отступая на шаг.

Сэм развернулся и скрылся за углом. Я смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду. Стена стояла там же, где всегда: высокая, глухая, неподвижная. И впервые она показалась мне не защитой, а дверью. Дверью, которую кто-то забыл запереть. Или которую мне наконец позволили открыть. Оставалось понять, что страшнее: выйти наружу или узнать, что за ней действительно кто-то ждёт.

Дорога домой затянулась. Я несколько раз меняла направление, проходила один и тот же квартал с разных сторон, задерживалась у витрин, чтобы проверить отражения. Закат давно скрылся за Куполом; уличные фонари перешли на ночной энергосберегающий режим. Мать будет ждать. Эта мысль тревожила сильнее, чем возможная слежка.

Перед домом я остановилась у окна первого этажа. На кухне горел свет. Мать не спала. Сквозь жалюзи угадывался её силуэт: она стояла у стола, держа в руках сложенный лист бумаги. Перечитала его, провела пальцем по краю, затем убрала в ящик. Когда я вошла, вопрос о листе так и не прозвучал. Она тоже не спросила, где я была. Мы снова разыграли обычный вечер — каждая свою роль.

— Задержалась в центре?

— Изучала инструкции, — ответила я. Лицо привычно становилось маской, пока пальцы стягивали куртку.

Она долго всматривалась, словно искала причину не поверить. На отвороте её безупречного рукава тускло поблёскивал знакомый металлический зажим.

— Хорошо.

За закрытой дверью комнаты наконец удалось сесть на кровать. Мать. Отцовские часы, которые она заводит раз в неделю, хотя они давно не идут. Её слова: «Я пытаюсь сделать так, чтобы ты каждый вечер возвращалась домой». Послезавтра я не вернусь. Сегодня впервые пришлось солгать не по её уроку, а по собственной воле.

Эмили. Она будет стоять у двери центра и теребить рукав, ожидая нас. А мы не появимся. Возможно, сначала она решит, что мы опаздываем, потом разозлится, потом испугается. И всё равно будет дёргать рукав, пока не поймёт.

Лекс. Жив ли он? Можно ли верить фотографиям? Кто будет ждать нас на другой стороне? Но теперь внутри поселилось кое-что хуже страха — надежда. Она пахла ржавчиной и порохом.

Я посмотрела на часы. Послезавтра. До Отбора оставалось больше двадцати дней. Если всё получится, он больше не понадобится. Если нет... Тогда хотя бы раз в жизни я сама выберу, куда идти.

Глава 5

Перед встречей с Сэмом я забрала Осу-8 из тайника в ангаре. Теперь пистолет был при мне. Восемь патронов в кармане весили куда больше, чем могли весить восемь кусочков металла. Ладонь то и дело проверяла, на месте ли они. От свинца и стали теперь зависело, доберусь ли я до цели. Патроны были тяжёлыми. Честно тяжёлыми. И наконец-то хоть что-то в этом доме не притворялось.

День между моим «да» и двумя сорока прошёл под привычный звуковой фон. Двадцать лет я жила среди сирен, шагов матери, гудения дронов и щелчков замков. Сегодня мать не заставляла меня тренировать ложь. Не спрашивала, как прошёл день, не произносила ни слова о Лексе. Только один раз, не глядя в мою сторону, поставила в холодильник лишний пластиковый контейнер с кашей. Крышку даже не защёлкнула до конца.

Я задержала взгляд на контейнере. Спросить, для кого он, не решилась. Завтрак всё равно пропадёт — если, конечно, кто-то вспомнит о нём утром.

Весь день не отпускала странная мысль: вокруг всё продолжало работать с почти оскорбительной исправностью. В шесть прозвучала сирена. В восемь началось распределение, в девять — учебные смены. В десять санитарная машина прошла по улицам, оставив за собой знакомый запах дезинфектора. В одиннадцать дети у терминала спорили из-за последней сладкой конфеты. Доминион не собирался останавливаться только потому, что двое людей решили сбежать. Для него нас словно уже не существовало.

На занятиях инструктор рассказывал о запретной территории. С третьего ряда хорошо просматривалась схема лесного массива, выведенная на экран.

— Выход за пределы Стены без сопровождения запрещён, — говорил он. — Любая самостоятельная попытка пересечения периметра рассматривается как угроза безопасности.

На экране сменилась схема, появилась фотография Эвола. Такие снимки я видела сотни раз — в учебниках, на предупреждающих плакатах, в обязательных роликах. Но сегодня изображение почему-то не складывалось в привычную картинку врага. Если за Стеной действительно жили люди, сколько ещё вещей нам показывали только с одной стороны?

После занятия я задержалась у терминала с картами. Открыла служебную схему канализационных линий и нашла знакомый сектор. Маршрут, который Сэм показал мне в ангаре, теперь выглядел не условной линией на бумаге, а последовательностью поворотов, люков и узких проходов. Я сверила обозначения дважды, запомнила развилки и закрыла схему прежде, чем кто-нибудь успел заметить, чем именно я интересуюсь.

Вечером я легла на кровать, даже не сняв одежду. Сон не приходил. Не от страха — или, по крайней мере, не только от него. Стоило уснуть, и я проснулась бы уже в другом дне. А хотелось удержать этот до последней минуты. Одеяло пахло стиральным порошком — тем самым, одинаковым, выдаваемым по норме. Щека прижалась к ткани, и вдруг стало совершенно ясно: возможно, сегодня я в последний раз засыпаю под этим потолком.

Отец сказал бы, что я драматизирую. А потом, вероятно, сунул бы мне пистолет и велел стрелять по мишени, будто стрельба способна отменить любую драму. Ещё он наверняка заметил бы: «Торн, перестань прощаться с мебелью. Мебель тебя не любит. Она просто стоит». И был бы прав. Но мебель оставалась частью жизни, которую я оставляла позади. Хотелось, чтобы хоть что-нибудь здесь меня запомнило. Глупое желание. Комнаты ничего не помнят, а люди — даже те, кто любит, — иногда предпочитают забывать.

Я считала потолочные панели. На двадцать седьмой сбилась, начала сначала — и снова ошиблась. В какой-то момент поняла, что считаю уже не панели, а минуты, оставшиеся до превращения этой реальности в прошлое. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять.

Дальше счёт потерял смысл. Впервые за долгое время я не стала заставлять себя начинать заново.

В час ночи мать поднялась с кровати. Услышав шаги за стеной, я машинально закрыла глаза. Дверь моей комнаты приоткрылась. Мать не вошла — остановилась на пороге, и какое-то время в темноте слышалось только её дыхание. Потом она тихо произнесла:

— Каэль. Иногда правильное решение выглядит как предательство. Но для того, кто заботится о тебе, оно всё равно может оставаться единственно правильным.

Я открыла глаза, но мать уже не смотрела в мою сторону. Теперь стало ясно: она тоже чего-то ждёт. Возможно, знает больше, чем говорит. Возможно, просто боится. Встать, подойти к ней, спросить — такая возможность была. Я не воспользовалась ею. Если бы мать хотела рассказать, она рассказала бы сама. Или не смогла бы. Я не знала, что из этого хуже. Её тайна осталась при ней, а моя — при мне.

Без пяти два я бесшумно опустила ноги на прохладный пол. Комната вдруг показалась чужой. Взгляд цеплялся за углы, за знакомые царапины на мебели, за полоску света под дверью — словно память пыталась составить опись того, что скоро перестанет быть моим.

Рюкзак был собран заранее: вода, паёк на два дня, аптечка, тёплая куртка. На кровати он лежал аккуратным прямоугольником, почти как школьная форма, приготовленная с вечера. Восемь килограммов. Вся жизнь, которую я сумела уместить. Отец бы одобрил практичность.

Над рюкзаком я задержалась дольше, чем планировала. На комоде осталась фотография отца в рамке, рядом — значок Лекса из детского клуба радиосвязи и старая книга с пожелтевшими страницами, которую мать когда-то прятала от безопасников. Ни одна из этих вещей не помещалась вместе с тем, что действительно могло пригодиться. Выбор оказался простым только на бумаге: вода и аптечка были важнее. И всё же рюкзак казался слишком лёгким.

С собой я взяла только одно — клочок бумаги с отцовским почерком. Записка была оставлена на обратной стороне какой-то инструкции: «Порядок в мелочах — это то, что остаётся, когда у тебя забрали всё остальное». Бумага истончилась от времени, почти просвечивала на сгибах. Странно было брать такую мелочь, собираясь совершить самый беспорядочный поступок в своей жизни. Я сложила листок вчетверо и спрятала во внутренний карман куртки, ближе к груди. Там его не нашли бы при беглом досмотре. Тонкая бумага коснулась кожи и показалась неожиданно тёплой.

В прихожей стояла темнота. Дверь в комнату матери оставалась приоткрытой; оттуда доносилось ровное дыхание. Я остановилась напротив, но так и не переступила порог. Так было проще. Для нас обеих. Или я просто повторяла себе это, чтобы не передумать. На секунду захотелось разбудить её — не объяснять, не просить разрешения, просто услышать голос. Я всё-таки отвернулась.

Ключ повернулся под осторожными пальцами. Я придержала язычок замка, не позволив ему щёлкнуть. Дверь закрылась беззвучно. Последняя тишина, которую ещё можно было назвать домашней.

Сэм ждал у водокачки, привалившись плечом к ржавой опоре. Руки глубоко спрятаны в карманах, куртка застёгнута до горла, тёмные волосы растрепал сквозняк. Выглядел он так, словно собрался на свидание, а не на государственную измену.

— Не опоздала, — сказал он вместо приветствия. — Уже подозрительно ответственно с твоей стороны. Я, если честно, ставил на то, что ты передумаешь где-нибудь на этапе шнурков.

— Хотела произвести впечатление.

— Получилось. Записываю в блокнот: «Каэль Торн — пунктуальна перед предательством родины». Потомкам будет интересно.

Короткая усмешка на мгновение вернула нам обычный вечер. Почти. Этого хватило, чтобы представить, будто сейчас всё отменится и мы просто разойдёмся по домам. Завтра Сэм снова будет язвить, Эмили — поправлять его формулировки, а я — делать вид, что не слушаю.

Обычная жизнь, в которой мы ещё не успели потерять друг друга. От этой картинки стало так больно, что я первой отвела взгляд.

— Готова?

— Не совсем.

— Отлично. Я тоже. Значит, мы в равных условиях: два неготовых человека и план, нарисованный от руки. Что может пойти не так?

— Почти всё.

— Да, но с энтузиазмом.

Он подмигнул, и в этом нелепом жесте оказалось столько плохо спрятанного отчаяния, что руки сами сжались в кулаки. Захотелось то ли ударить его за эту улыбку, то ли обнять. Лучше бы, наверное, и то и другое.

Он взялся за решётку коллектора и потянул на себя. Металл не поддался. Сэм упёрся ботинком в бетон, навалился всем весом и сквозь зубы выругался так, что в приличном обществе пришлось бы извиняться. Решётка наконец подалась, скрежетнув, будто ломалась кость. Мы оба вздрогнули.

— После тебя, — сказал он, когда решётка отошла. — Просто не хочу идти первым в темноту, где может оказаться что угодно. Ты жёстче меня. Статистически у тебя больше шансов пережить первые тридцать секунд, а мне это время понадобится, чтобы придумать шутку для последних тридцати.

— Очень убедительно.

Он пропустил меня вперёд. Сэм, пожалуй, был единственным человеком на свете, способным шутить перед тем, как добровольно залезть в канализацию. И единственным, кто умел превратить грязный тоннель в приключение — по крайней мере, пока запах не начинал проникать под кожу. Я спустилась первой, стараясь не думать о том, что за спиной остаётся последний знакомый голос.

Коллектор оказался уже, чем я представляла. Первые метры ещё можно было пройти пригнувшись, но вскоре потолок опустился так низко, что пришлось встать на четвереньки. Бетон под ладонями был мокрым, покрытым скользкой плёнкой. Пахло ржавой водой и гниющей органикой; тяжёлый запах оседал на языке и будто оставался там навсегда.

Темнота здесь была настоящей — плотной, без единого просвета. Зрение сдалось первым. Стоило отвести руку от лица, и пальцы исчезали. Мозг, лишённый привычных ориентиров, принимался дорисовывать тени, движения, чужое дыхание. Я заставила себя считать вдохи, хотя быстро поняла, что даже этот простой ритм не вполне принадлежит мне: стоило сбиться, и тревога тут же заполняла паузу.

Справа по бетону били капли. За спиной шуршала куртка Сэма, слышалось его неровное дыхание, иногда — скрежет ботинка по скользкому дну. Больше ничего. Только этот ритм: капля, движение, вдох; капля, движение, вдох.

— Минут двадцать, — сказал Сэм. Голос прозвучал слишком громко, и тело инстинктивно дёрнулось. — И мы на месте.

— Ты говорил это десять минут назад.

— Время в темноте течёт иначе. Научный факт.

Он усмехнулся, но шутка повисла между стенами и быстро умерла. Даже смех здесь звучал чужим.

Мы ползли молча. Пальцы сами считали движения: правая, левая, колено, колено. Порядок в мелочах. Отец бы одобрил. Только отца рядом не было — один бетон, холодная вода и четыре движения, повторяющиеся до тех пор, пока счёт не распался. Я сбилась и не стала начинать заново. Сэм остановился; я поняла это по внезапно оборвавшемуся шороху его куртки. В темноте даже отсутствие звука оказалось заметным.

— Что? — прошептала я.

Тело застыло. Слух обострился до боли. Сначала ничего, кроме капель и собственного сердца, которое вдруг стало слишком громким. Потом впереди возник низкий ритмичный звук. Не гул трансформатора — что-то более глухое, прерывистое, почти живое. Будто за поворотом дышало нечто огромное. Я прислушалась ещё раз, пытаясь найти в этом звуке знакомую закономерность, но он не повторялся одинаково.

— Ветер, — сказал Сэм. Но голос у него был тихий. Без шуток.

— Ветер не дышит.

— Кэй. — В темноте его рука нашла моё плечо. Пальцы были холодными. — Мы одни в этой трубе. Но это не значит, что надо объявлять о себе на весь коллектор.

Я кивнула, хотя Сэм не мог этого увидеть. Мы двинулись дальше, медленнее прежнего. Ладони опускались осторожно, колени скользили по бетону почти беззвучно. Каждый шорох теперь казался предательски громким. И тут изменился запах. К ржавой воде и тухлой органике примешалась новая нота — металлическая, острая, знакомая до тошноты. Я хотела предупредить Сэма, но впереди уже проступил свет. Не электрический — настоящий, лунный, пробивавшийся сквозь решётку выхода. Бледный настолько, что я сперва не поверила ему и зажмурилась.

Сэм толкнул решётку плечом. Та подалась со скрипом, и в лицо ударил воздух, пахнущий землёй. Первый глубокий вдох принёс хвою, мокрую кору и ещё что-то, чему внутри Купола даже не нашлось бы названия. Запах живого мира. Он показался почти неприличным — резким, свободным, не спрашивающим разрешения.

Коллектор выплюнул нас в грязь и переплетение корней. Колени провалились в мягкую землю; после бетона прикосновение оказалось почти болезненно непривычным. Проведя сорок минут в темноте, лес показался слишком ярким и громким: ветер шумел в кронах, в подлеске что-то шуршало и потрескивало. Вспомнилась фраза из бюллетеня Эмили: «Внешняя зона непригодна для жизни». Сидя в грязи, я думала о том, что непригодная для жизни зона пахнет лучше всего, что было внутри Купола. И от этой мысли становилось страшно. Если даже запретный мир пахнет лучше дома, что тогда вообще можно назвать домом?

Сэм поднялся первым, отряхнул колени, протянул мне руку.

— Живы. Уже неплохое начало для такого дрянного плана. Я бы поставил ему три из десяти, но мы ещё не умерли, так что авансом дам четыре.

Я взяла его за руку и поднялась. Стена осталась за спиной. Двадцать лет я смотрела на неё изнутри и привыкла считать концом мира. Теперь бетонная громада была позади — просто серая, грязная масса, нелепо обычная на фоне деревьев. Она не исчезла и не стала меньше. Просто впервые я увидела, что мир не заканчивается там, где заканчивается её бетон.

— Триста метров. Туда.

Сэм махнул рукой в сторону просвета между деревьями. Там, по его словам, нас ждала машина. Или катафалк. В нашем случае разница казалась несущественной.

Мы пошли быстро, но не побежали. Бежать в темноте между деревьями — верный способ сломать лодыжку, а такой пункт в план не входил. Сэм привычно держался впереди, я шла в шаге за ним. Ветер гнал по земле сухие листья, и их шорох под ногами был единственным доказательством, что всё происходящее не сон.

Постепенно возникло ощущение, будто лес замечает наше присутствие. Сперва смолкли птицы. Потом слева хрустнула ветка. Сэм поднял руку, и мы остановились. Несколько секунд вслушивались в темноту. Ничего не двигалось. Но тишина уже не казалась пустой.

— Зверь.

— Надеюсь.

— Нет, точно зверь, — повторил Сэм.

Убеждал он, кажется, уже не меня.

Мы двинулись дальше. Триста метров. Десять минут. Я позволила себе представить утро, в котором никто не знает, где мы. Утро без сирен, проверок и чужих глаз. Но на середине пути внутри что-то сжалось, будто невидимая нить зацепилась за кожу. Желудок скрутило. Во рту появился вкус меди — не крови, а предупреждения. Лиловые прожилки в глазах отозвались знакомым покалыванием, как тогда у стекла. Только теперь источник был живым. Это было не просто притяжение. Скорее вторжение: по позвоночнику разлилось тошнотное онемение, а из глубины поднялось чужое внимание. Кто-то смотрел. Кто-то ждал. И этот кто-то знал меня лучше, чем я сама. Ощущение нарастало, лишая возможности отгородиться, пока не захотелось закричать — не от страха даже, а от невозможности закрыться от чужого присутствия. Ноги подогнулись.

— Кэй, что случилось? — Сэм обернулся. Улыбка исчезла с его лица, и под ней проступило то, чего я раньше почти не видела: настоящий, ничем не прикрытый страх.

— Не знаю. Надо бежать.

Тени сдвинулись. Не от ветра — сами по себе. Скользнули между деревьями, сливаясь с мраком и будто подражая ему. Пять. Семь. Они уже окружали нас полукругом. Воздух изменился: в нём не было ни шороха, ни случайного движения, только направленный на нас свет и чужое присутствие.

— Кэй, — тихо сказал Сэм. — Не двигайся.

Свет ударил сразу с трёх сторон. Я вскинула руку к лицу, пытаясь заслониться от прожекторов.

— Не двигаться.

Они не искали нас. Не прочёсывали лес. Они уже знали, где мы будем. Ждали. В эту секунду стало понятно: побег не сорвался случайно. Нас встретили по заранее подготовленному приказу.

— Цель подтверждена, — произнёс кто-то в рацию ровным голосом. — Нулевая жива. Сохранить. Второй — по протоколу.

Сэм понял раньше меня. «Второй по протоколу». Не случайная встреча, не патруль, обнаруживший двух беглецов. Кто-то заранее знал, кого искать и что делать. В памяти всплыл голос Эмили: «Так нужно». Сэм резко толкнул меня в сторону. Я потеряла равновесие, ладонь скользнула по мокрой земле. Выстрел разорвал тишину — коротко и оглушительно.

Вспышка. Сэм дёрнулся всем телом и сделал ещё один шаг, будто не сразу понял, что произошло. На мгновение он остался стоять, нелепо выпрямившись посреди леса. Потом колени подломились. Пуля вошла в шею слева, чуть ниже челюсти. Сэм прижал ладонь к ране — кровь тут же прорвалась между пальцами. Густая, тёмная в свете прожекторов, она стекала по запястью и капала на куртку. Он посмотрел на собственную руку с недоумением, словно не узнавал её. В голове вспыхнула отчаянная, совершенно невозможная надежда: сейчас он поднимет глаза и скажет что-нибудь привычно идиотское. Например: «Ну, Кэй, это не по плану». И мне придётся на него накричать. Только бы он сказал.

Сэм открыл рот. Вместо слов вырвался хрип. Кровь потекла по подбородку; он качнулся назад и рухнул на землю. Глухой удар тела о почву оказался страшнее выстрела. Я бросилась к нему, обеими руками прижала рану, не понимая, куда именно давить. Кровь была горячей — обжигающей, живой. Под пальцами билось что-то слабое и беспорядочное, и я цеплялась за этот ритм, как за возможность вернуть всё назад.

— Сэм.

Кровь просачивалась между пальцами. Ладони скользили, и я прижимала сильнее, хотя не знала, помогает ли это или только причиняет ему боль.

— Сэм, слышишь меня? Смотри на меня! Сэм, пожалуйста. Смотри на меня!

Его взгляд наконец остановился на мне. Зрачки расширялись, поглощая радужку. Губы дрогнули — едва заметно.

— Что? — Я наклонилась ниже. — Скажи ещё раз. Я не слышу.

Ухо почти коснулось его губ. Мне нужно было, чтобы он произнёс хоть что-нибудь: слово, ругательство, очередную глупость. Что угодно, лишь бы не эта тишина. Но вместо ответа слышалось только влажное, прерывистое дыхание и моя собственная паника, звеневшая в ушах. Его пальцы легли поверх моей руки. Те самые пальцы, которыми он сжимал моё запястье у стекла в подвале, тянул меня за рукав, барабанил по столу, хлопал Эмили по плечу, когда она злилась. Я узнавала их прикосновение и не могла принять, что через несколько секунд оно исчезнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.